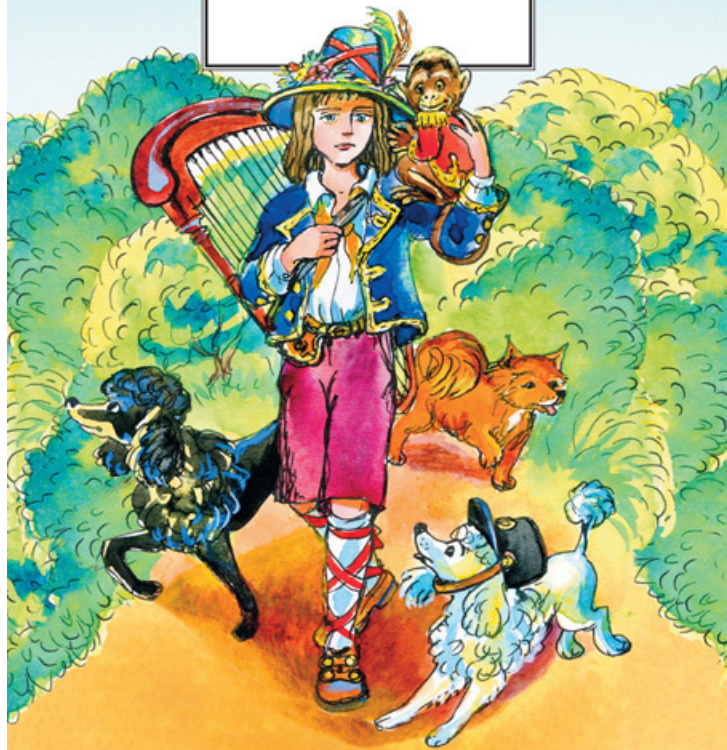

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Гектор Мало
БЕЗ СЕМЬИ

Гектор Анри Мало
Без семьи
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25275423

Без семьи: Детская литература; М.; 2014

ISBN 978-5-08-006624-5

Аннотация

Повесть о жизни и злоключениях мальчика-подкидыша Реми, после долгих скитаний наконец обретающего семью. Бродячая жизнь многому научила ребёнка, а дружба и поддержка тех, с кем свела его судьба, помогла перенести все испытания.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Вступительное слово	6
Без семьи	8
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	18
Глава III	27
Глава IV	38
Глава V	49
Глава VI	56
Глава VII	69
Глава VIII	76
Глава IX	87
Глава X	98
Глава XI	108
Глава XII	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Гектор Мало

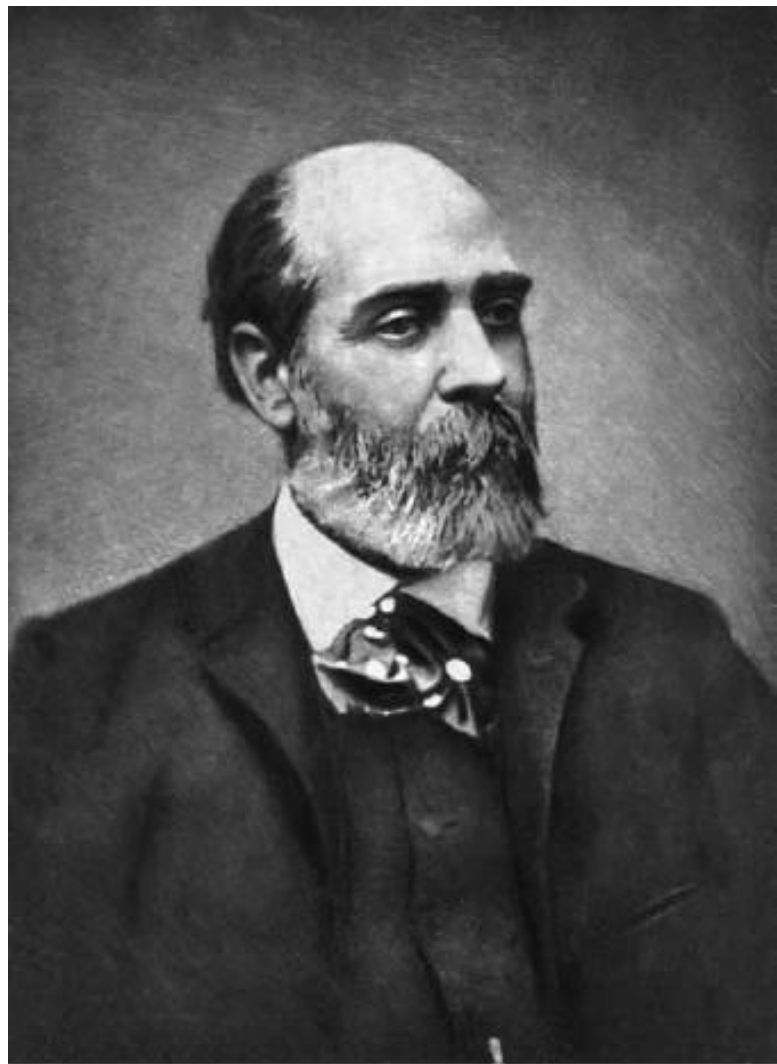
Без семьи

© Толстая А. Н., наследники, сокращенный перевод с французского, 1954

© Федоровская М. Е., иллюстрации, 1999

© Оформление серии, послесловие. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

* * *

Вступительное слово

Французский писатель Гекто́р (Эктор) Мало́ (1830–1907) родился в семье нотариуса. Решив пойти по стопам отца, он поступил на юридический факультет и изучал право сначала в Руане, затем в парижском университете. Однако, несмотря на юридическое образование, стал писателем. Французская критика называла Гектора Мало одним из талантливых последователей знаменитого Бальзака.

Г. Мало сочинил шестьдесят пять романов, но известность ему принесли книги, написанные для детей. Роман «Без семьи» (1878) – бесспорно, лучшая из них. За эту книгу писатель получил премию Французской академии. Она вошла в круг детского чтения наряду с произведениями других французских писателей: А. Дюма, Ш. Перро, Ж. Верна, П. Мериме. Роман «Без семьи» переведён на многие языки, и его до сих пор с удовольствием читают дети разных стран.

В основе романа лежит история мальчика-подкидыша Реми, которого продали бродячему актёру Виталису. С ним Реми скитается по дорогам Франции. После многих испытаний и злоключений он наконец находит свою мать и обретает семью.

Книга написана в традициях «романа тайн»: тайна «благородного» происхождения Реми разгадывается на протяжении всего романа. Много раз читатели почти приближают-

ся к разгадке, но счастливое возвращение мальчика в семью происходит только в конце книги. Роман читается с большим интересом от начала до конца: напряжённый сюжет и волнующие приключения делают книгу очень увлекательным чтением.

Без семьи

Часть первая

Глава I В деревне

Я – найдёныш.

Но до восьми лет я этого не знал и был уверен, что у меня, как и у других детей, есть мать, потому что когда я плакал, какая-то женщина нежно обнимала и утешала меня и слёзы мои тотчас же высыхали.

Вечером, когда я ложился спать в свою постельку, эта же женщина подходила и целовала меня, а в холодное зимнее время согревала своими руками мои озябшие ноги, напевая при этом песенку, мотив и слова которой я прекрасно помню до сих пор.

Если гроза заставляла меня в то время, когда я пас нашу корову на пустырях, она выбегала ко мне навстречу и, стараясь укрыть от дождя, набрасывала мне на голову и плечи свою шерстяную юбку.

Я рассказывал ей о своих огорчениях, о ссорах с товарищами, и немногими ласковыми словами она всегда умела успокоить и образумить меня.

Её постоянные заботы, внимание и доброта, даже её воркотня, в которую она вкладывала столько нежности, – всё заставляло меня считать её своей матерью. Но вот как я узнал, что я был только её приёмным сыном.

Деревушка Шаванон, где я вырос и провёл своё раннее детство, – одна из самых бедных деревень Центральной Франции. Почва здесь крайне неплодородна и требует постоянного удобрения, поэтому обработанных и засеянных полей в этих краях чрезвычайно мало и повсюду тянутся огромные пустыри. За пустырями начинаются степи, где обычно дуют холодные, резкие ветры, мешающие росту деревьев; оттого деревья встречаются тут редко, и то какие-то малорослые, чахлые, искалеченные. Настоящие, большие деревья – красивые, пышные каштаны и могучие

дубы – растут только в долинах по берегам рек.

В одной из таких долин, возле быстрого полноводного ручья, стоял домик, где я провёл первые годы своего детства. Мы жили в нём только вдвоём с матерью; муж её был каменщиком и, как большинство крестьян этой местности, жил и работал в Париже. С тех пор как я вырос и стал понимать окружающее, он ни разу не приезжал домой. По временам он давал о себе знать через кого-либо из своих товарищей, возвращавшихся в деревню.

– Тетушка Барберен, ваш муж здоров! Он шлёт привет и просит передать вам деньги. Вот они. Пересчитайте, пожалуйста.

Матушка Барберен вполне довольствовалась этими краткими весточками: муж здоров, работает, зарабатывает на жизнь.

Барберен жил постоянно в Париже, потому что там у него имелась работа. Он рассчитывал скопить немного деньжонок, а затем вернуться в деревню, к своей старухе. На отложенные деньги он надеялся прожить те годы, когда они состарятся и не в силах будут больше работать.

Однажды в ноябрьский вечер какой-то незнакомый человек остановился у нашей калитки. Я стоял на пороге дома и ломал хворост для печки. Человек, не отворяя калитки, заглянул поверх её и спросил:

– Здесь живёт тётушка Барберен?

Я попросил его войти.

Незнакомец толкнул калитку и медленно направился к дому. Очевидно, он долго шёл по скверным, размытым дорогам, так как с головы до ног был забрызган грязью.

Матушка Барберен, услышав, что я с кем-то разговариваю, тотчас же прибежала, и человек не успел переступить порога нашего дома, как она уже очутилась перед ним.

– Я принёс вам вести из Парижа, – сказал он.

Эти простые слова, какие нам не раз приходилось слышать, были произнесены совсем иным тоном, чем обычно.

– Боже мой! – воскликнула матушка Барберен, испуганно сжимая руки. – С Жеромом, верно, случилось несчастье?

– Ну да, только не следует терять голову и пугаться. Правда, ваш муж сильно пострадал, но он жив. Возможно, он останется теперь калекой. Сейчас он в больнице. Я тоже там лежал и был его соседом по койке. Узнав, что я возвращаюсь к себе в деревню, Барберен попросил меня зайти к вам и рассказать о случившемся. Прощайте, я очень тороплюсь. Мне надо ещё пройти несколько километров, а скоро стемнеет.

Матушке Барберен хотелось, конечно, узнать обо всём поподробнее, и она начала уговаривать незнакомца остаться поужинать и переночевать:

– Дороги плохие. Говорят, появились волки. Лучше отправиться в путь завтра утром.

Незнакомец уселся возле печки и за ужином рассказал, как произошло несчастье.

На стройке, где работал Барберен, рухнули плохо укреп-

лённые леса и придавили его своей тяжестью. Хозяин, ссылаясь на то, что Барберену незачем было находиться под этими лесами, отказывался платить пособие за увечье.

– Не повезло бедняге, не повезло... Боюсь, что ваш муж ровно ничего не получит.

Стоя перед огнём и обсушивая свои брюки, заскорузлые от грязи, он повторял «не повезло» с таким искренним огорчением, которое говорило о том, что он охотно стал бы калекой, если бы за это можно было получить вознаграждение.

– Всё же, – сказал он, заканчивая свой рассказ, – я посоветовал Барберену подать в суд на хозяина.

– В суд? Но это будет стоить больших денег.

– Зато, если выиграешь дело...

Матушке Барберен очень хотелось поехать в Париж, но такое далёкое путешествие стоило бы очень дорого. Она попросила написать письмо в больницу, где лежал Барберен. Через несколько дней мы получили ответ, в котором говорилось, что матушке нет необходимости ехать самой, но ей надо выслать немного денег, потому что Барберен подал в суд на хозяина.

Проходили дни и недели, и время от времени прибывали письма с требованием новых денег. В последнем Барберен писал, что если денег нет, то следует немедленно продать корову.

Только тот, кто вырос в деревне, среди бедняков крестьян, знает, какое большое горе – продать корову.

Корова – кормилица крестьянской семьи. Как ни многочисленна и бедна семья, она никогда не будет голодать, если у неё в хлеву есть корова. Отец, мать, дети, взрослые и маленькие – все живы и сыты благодаря корове.

Мы с матушкой также питались неплохо, хотя мяса почти никогда не ели. Но корова была не только нашей кормилицей, она была и нашим другом.

Корова – разумное и доброе животное, отлично понимающее слова и ласку человека. Мы постоянно разговаривали с нашей Рыжухой, ласкали и холили её. Словом, мы любили её, и она нас любила. И вот теперь приходилось с ней расставаться.

В дом пришёл покупатель: с недовольным видом качая головой, он долго и внимательно осматривал Рыжуху со всех сторон. Затем, повторив раз сто, что она ему совсем не подходит, так как даёт мало молока, да и то очень жидкое, он в конце концов заявил, что купит её лишь по своей доброте и из желания помочь такой славной женщине, как тётушка Барберен.

Бедная Рыжуха, как будто поняв, что происходит, не захотела выйти из хлева и жалобно замычала.

– Подойди и хлестни её, – обратился ко мне покупатель, снимая кнут, висевший у него на шее.

– Не надо, – возразила матушка Барберен. И, взяв корову за повод, ласково произнесла: – Пойдём, моя красавица, пойдём!

Рыжуха, не сопротивляясь, послушно вышла на дорогу. Новый хозяин привязал её к своей телеге, и тогда ей поневоле пришлось следовать за лошадьё. Мы вернулись в дом, но ещё долго слышали её мычание.

Не стало ни молока, ни масла. Утром – кусок хлеба, вечером – картошка с солью.

Вскоре, после того как мы продали Рыжуху, наступила Масленица. В прошлом году на Масленице матушка Барберен напекла превкусных блинов и оладий, и я их съел так много, что она осталась очень довольна. Но тогда у нас была Рыжуха. «Теперь, – печально думал я, – нет ни молока, ни масла, и мы не можем печь блины». Однако я ошибался: матушка Барберен и на этот раз решила меня побаловать.

Хотя матушка очень не любила брать у кого-нибудь в долг, она всё же попросила у одной соседки немного молока, а у другой – кусок масла. Вернувшись в полдень домой, я увидел, что она высыпает муку в большой глиняный горшок.

– Мука?! – удивлённо воскликнул я, подходя к ней.

– Да, – ответила матушка. – Разве ты не видишь? Чудесная пшеничная мука. Понюхай, как она вкусно пахнет.

Мне очень хотелось узнать, что она будет готовить из этой муки, однако я не решился спросить её, не желая напоминать о том, что сейчас Масленица. Но она заговорила сама:

– Что делают из муки?

– Хлеб.

– А ещё что?

– Кашицу.

– Ну а ещё?

– Право, не знаю...

– Нет, ты прекрасно знаешь и отлично помнишь, что сегодня Масленица, когда пекут блины и оладьи. Но у нас нет ни молока, ни масла, а ты молчишь, потому что боишься меня огорчить. Тем не менее я решила устроить тебе праздник и заранее обо всём позаботилась. Загляни-ка в ларь.

Я быстро приподнял крышку ларя и увидел там молоко, масло, яйца и три яблока.

– Поддай мне яйца и очисти яблоки, – сказала матушка.

Пока я чистил и резал тоненькими ломтиками яблоки, она разбила и вылила яйца в муку, а затем принялась месить её, постепенно подливая в неё молоко. Замесив тесто, матушка поставила его на горячую золу, чтобы оно подошло. Теперь оставалось только терпеливо ждать вечера, так как есть блины и оладьи мы должны были за ужином.

Сказать по правде, день показался мне очень длинным, и я не раз заглядывал под полотенце, которым был накрыт горшок.

– Ты застудишь тесто, – говорила мне матушка, – оно плохо поднимется.

Но оно поднималось превосходно, и от бродившего теста шёл приятный запах яиц и молока.

– Приготовь сухого хвороста, – приказала матушка. – Печь должна быть очень горячей и не дымить.

Наконец стемнело и зажгли свечу.

– Затопи печку.

Я с нетерпением ждал этих слов и потому не заставил себя дважды просить. Скоро яркое пламя запыхало в очаге и озарило комнату своим колеблющимся светом. Матушка сняла с полки сковородку и поставила её на огонь.

– Принеси мне масло.

Кончиком ножа она взяла небольшой кусок масла и положила его на сковороду, где оно мгновенно растопилось.

Ах, какой восхитительный аромат разлился по всей комнате, как радостно и весело затрещало и зашипело масло! Я был всецело поглощён этой чудесной музыкой, но вдруг мне показалось, что на дворе раздались шаги. Кто мог потревожить нас в это время? Вероятно, соседка хочет попросить огонька. Однако я сейчас же отвлекся от этой мысли, потому что матушка Барберен погрузила большую ложку в горшок, зачерпнула тесто и вылила его на сковородку. Разве можно было в такой момент думать о чём-нибудь постороннем?

Внезапно раздался громкий стук, и дверь с шумом открылась.

– Кто там? – спросила матушка Барберен не оглядываясь.

Вошёл человек, одетый в холщовую блузу, с большой палкой в руках.

– Ба, да здесь настоящий пир! Прошу вас, не стесняйтесь! – грубо произнёс он.

– Ах, боже мой! – воскликнула матушка Барберен и быст-

ро поставила сковородку на пол. – Неужели это ты, Жером?

Потом она схватила меня за руку и толкнула к человеку, стоявшему на пороге:

– Вот твой отец.

Глава II

Кормилец семьи

Я подошёл, чтобы обнять его, но он отстранил меня палкой.

– Кто это?

– Реми.

– Ты же мне писала...

– Да, но... это была неправда, потому что...

– Ах вот как, неправда!

И, подняв палку, он сделал по направлению ко мне несколько шагов. Я инстинктивно попятился.

Что такое? В чём я провинился? Почему он оттолкнул меня, когда я захотел его обнять? Но у меня не было времени разобраться в этих вопросах, теснившихся в моём взволнованном уме.

– Я вижу, вы справляете Масленицу, – сказал Барберен. – Отлично, я очень голоден. Что ты готовишь на ужин?

– Блины.

– Но не блинами же ты будешь кормить человека, который прошёл пешком столько километров!

– Больше ничего нет. Мы тебя не ждали.

– Как? Ничего нет на ужин?

Он огляделся по сторонам:

– Вот масло.

Затем поднял глаза к тому месту на потолке, где мы обычно подвешивали свиное сало. Но уже давно там ничего не висело, кроме пучков чеснока и лука.

– Вот лук, – сказал он, сбивая палкой одну из связок. – Четыре-пять луковиц, кусок масла – и получится хорошая похлёбка. Сними-ка блин и поджарь лук.

Снять блин со сковороды! Однако матушка Барберен ничего не возразила. Наоборот, она поспешила сделать то, что ей приказал муж, а он уселся на скамью, стоявшую в углу, возле печки.

Не решаясь сойти с того места, куда он загнал меня палкой, я, опершись на стол, смотрел на него.

Это был человек лет пятидесяти, с некрасивым, суровым лицом. После увечья голова у него была наклонена набок, что придавало ему какой-то угрожающий вид.

Матушка Барберен снова поставила сковороду на огонь.

– Неужели ты думаешь сделать похлёбку с таким маленьким кусочком масла? – спросил Барберен. И, взяв тарелку, где лежало масло, он вывалил его на сковороду. – Нет масла – значит, не будет и блинов!

В другой момент я, наверно, был бы потрясён такой катастрофой, но сейчас я уже не мечтал ни о блинах, ни об ола-

дьях, а думал только о том, что этот грубый, суровый человек – мой отец.

«Отец, мой отец...» – мысленно повторял я.

– Вместо того чтобы сидеть как истукан, поставь-ка на стол тарелки! – обратился он ко мне спустя некоторое время.

Я поспешил выполнить его приказание. Суп был готов. Матушка Барберен разлила его по тарелкам. Барберен подсел к столу и начал жадно есть, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на меня.

Я был так расстроен, что не мог проглотить ни одной ложки, и тоже смотрел на него, но украдкой, опуская глаза, когда встречался с ним взглядом.

– Что, он всегда так мало ест? – неожиданно спросил Барберен, указывая на меня.

– Ах нет, он ест хорошо.

– Жаль! Было бы лучше, если б он ничего не ел.

Понятно, что ни я, ни матушка Барберен не имели ни малейшего желания разговаривать. Она ходила взад и вперёд вокруг стола, стараясь услужить мужу.

– Значит, ты не голоден? – спросил он меня.

– Нет.

– Тогда отправляйся спать и постарайся сию же минуту заснуть, иначе я рассержусь.

Матушка Барберен сделала мне знак повиноваться, хотя я и не думал противиться.

Как это бывает обычно в большинстве крестьянских до-

мов, кухня одновременно служила нам и спальней. Рядом с печкой находилось всё необходимое для еды: стол, ларь для провизии, шкафчик с посудой; на другой стороне в одном углу стояла кровать матушки Барберен, а в противоположном – моя, занавешенная красной материей.

Я поспешно разделся и лёг, но заснуть, конечно, не мог. Я был чрезвычайно взволнован и очень несчастлив. Неужели этот человек – мой отец? Тогда почему же он обошёлся со мной так грубо? Отвернувшись к стене, я напрасно старался прогнать эти грустные мысли. Сон не приходил. Через некоторое время я услышал, что кто-то приближается к моей кровати.

По шагам, медленным и тяжёлым, я тотчас узнал Барберена. Горячее дыхание коснулось моих волос.

– Ты спишь? – услышал я приглушённый голос.

Я ничего не ответил. Страшные слова «я рассержусь» ещё звучали в моих ушах.

– Спит, – заметила матушка Барберен. – Он засыпает сразу же, как только ляжет. Можешь спокойно говорить обо всём: он тебя не услышит. Чем кончился суд?

– Дело проиграно! Судьи решили, что я сам виноват в том, что находился под лесами, и потому хозяин ничего мне не должен платить. – Тут он стукнул кулаком по столу и произнёс несколько бессвязных ругательств. – Деньги пропали, я искалечен, нас ждёт нищета! Мало того: возвращаюсь домой и нахожу здесь ребёнка. Объясни, пожалуйста, почему ты не

сделала так, как я велел?

– Потому что я не могла...

– Не могла отдать его в приют для подкидышей?

– Трудно расстаться с ребёнком, которого сама выкормила и которого любишь, как родного сына.

– Но ведь это не твой ребёнок!

– Позднее я хотела отдать его в приют, но он заболел.

– Заболел?

– Да, он болел, и если бы я его отдала в это время в приют, он бы там умер.

– А когда выздоровел?

– Он долго не поправлялся. За одной болезнью последовала другая. Прошло много времени. И я решила, что раз я могла кормить его до сих пор, то смогу прокормить и в будущем.

– Сколько ему теперь лет?

– Восемь.

– Ну что ж, он пойдёт в восемь лет туда, куда должен был отправиться раньше.

– Жером, ты не сделаешь этого!

– Не сделаю? А кто мне помешает? Неужели ты думаешь, что мы будем вечно держать его у себя?

Наступило молчание, и я смог перевести дух. От волнения у меня так сжалось горло, что я чуть не задохнулся.

Матушка Барберен продолжала:

– Как тебя изменил Париж! Раньше ты не был таким жестоким.

– Париж не только изменил меня, но и сделал меня калеккой. Работать я не могу, денег у нас нет. Корова продана. Можем ли мы теперь кормить чужого ребенка, когда нам самим нечего есть?

– Но он мой.

– Он такой же твой, как и мой. Этот ребёнок не приспособлен для жизни в деревне. Я рассмотрел его во время ужина: он хрупкий, худой, у него слабые руки и ноги.

– Но он очень хороший, умный и добрый мальчик. Он будет работать на нас.

– Пока что нам нужно работать на него, а я не могу больше работать.

– А если найдутся его родители, что ты тогда им скажешь?

– Пошлю их в приют. Однако хватит болтать, надоело! Завтра я отведу его к мэру¹. А сегодня хочу ещё зайти к

¹ Мэр – лицо, стоящее во главе сельской общины или городского самоуправления.

Франсуа. Через час я вернусь.

Дверь отворилась и захлопнулась. Он ушёл.

Тогда я живо вскочил и стал звать матушку Барберен:

– Мама, мама!

Она подбежала к моей кровати.

– Неужели ты отправишь меня в приют?

– Нет, мой маленький Реми, нет!

И она нежно поцеловала меня, крепко сжимая в своих объятиях. Эта ласка ободрила меня, и я перестал плакать.

– Так ты не спал? – спросила она меня нежно.

– Я не виноват.

– Я тебя не браню. Значит, ты слышал всё, что говорил Жером? Мне следовало бы давно рассказать тебе правду. Но я привыкла считать тебя своим сыном, и мне трудно было признаться, что я не твоя родная мать. Кто твоя мать и жива ли она, ничего не известно. Ты был найден в Париже, и вот как это случилось. Однажды ранним утром, идя на работу, Жером услышал на улице громкий детский плач. Пройдя несколько шагов, он увидел, что на земле, у калитки сада, лежит маленький ребёнок. В то же время Жером заметил какого-то человека, который прятался за деревьями, и понял, что тот хотел посмотреть, поднимут ли брошенного им ребёнка. Жером не знал, что делать; ребёнок отчаянно кричал, как будто поняв, что ему могут помочь. Тут подошли другие рабочие и посоветовали Жерому отнести ребёнка в полицейский участок. Там ребёнка раздели. Он оказался здоровым,

красивым мальчиком пяти-шести месяцев. Больше ничего узнать не удалось, так как все метки на его белье и пелёнках оказались вырезанными. Полицейский комиссар сказал, что придётся отдать ребёнка в приют для подкидышей. Тогда Жером предложил взять тебя к себе, пока не найдутся твои родители. У меня в это время только что родился ребёнок, и я могла кормить обоих. Так я стала твоей матерью.

– О, мама!

– Через три месяца мой ребёнок умер, и тогда я ещё больше привязалась к тебе. Я совсем забыла, что ты мне не родной сын. Но Жером этого не забыл и, видя, что твои родители не находятся, решил отдать тебя в приют. Ты уже знаешь, почему я его не послушалась.

– О, только не в приют! – закричал я, цепляясь за неё. – Умоляю тебя, мама, не отдавай меня в приют!

– Нет, дитя моё, ты туда не пойдёшь. Я это устрою. Жером вовсе не злой человек. Горе и боязнь нужды заставляют его так поступать. Мы будем работать, ты тоже будешь работать.

– Да, я буду делать всё, что ты захочешь. Только не отдавай меня в приют.

– Хорошо, не отдам, но с условием, что ты сейчас же заснёшь. Я не хочу, чтобы Жером, вернувшись, увидел, что ты не спишь.

Крепко поцеловав, она повернула меня лицом к стене. Я очень хотел заснуть, но был настолько потрясён и взволнован, что долго не мог успокоиться.

Значит, матушка Барберен, такая добрая и ласковая, не была моей родной матерью! Но тогда кто же моя настоящая мать? Ещё лучше и нежнее? Нет, это невозможно.

Зато я очень хорошо понял и почувствовал, что родной отец не мог быть таким жестоким, как Барберен, не мог смотреть на меня такими злыми глазами и замахиваться на меня палкой. Он хочет отдать меня в приют! Я знал, что такое приют, и видел приютских детей; на шее у них висела металлическая пластинка с номерком, они были грязны, плохо одеты, над ними смеялись, их преследовали и дразнили. А я не хотел быть ребёнком с номерком на шее, я не хотел, чтобы за мною бегали с криками: «Приютский, приютский!» От одной этой мысли меня бросало в дрожь и начинали стучать зубы.

К счастью, Барберен вернулся не так скоро, как обещал, и я заснул раньше его прихода.

Глава III

Трупна синьора Виталиса

Всю ночь я находился под впечатлением перенесённого мной горя. Проснувшись, я первым делом ощупал свою постель и огляделся вокруг, желая убедиться в том, что меня никуда не унесли.

Барберен молчал, и я стал надеяться, что матушка уговорила его оставить меня у них.

Однако в полдень Барберен велел мне надеть фуражку и идти с ним. Я с испугом посмотрел на матушку, умоляя её о помощи. Она украдкой сделала мне знак, что бояться нечего. Тогда, ничего не возразив, я пошёл следом за Барбереном.

От нашего дома до деревни не меньше часа ходьбы. В продолжение этого часа Барберен, ничего не говоря, тихо шёл впереди, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, иду ли я за ним.

Куда он меня вёл? Сильно обеспокоенный, я стал думать, как бы избежать угрожающей мне опасности. Поэтому я начал отставать, решив спрятаться от Барберена в ближайшей канаве. Но Барберен отгадал моё намерение: он взял меня за руку и заставил идти рядом с ним. Так мы и вошли в деревню. Встречные оборачивались и с любопытством смотрели на нас, потому что у меня был вид злой собаки, которую тянут на поводке. Когда мы проходили мимо харчевни, стоявший на пороге хозяин окликнул Барберена и пригласил его войти. Барберен взял меня за ухо и, пропустив вперёд, закрыл за собой дверь.

Я успокоился: деревенская харчевня отнюдь не пугала меня. Наоборот, мне уже давно хотелось в ней побывать. Не раз, проходя мимо дверей, я слышал, как из харчевни раздавались крики и песни, от которых дрожали стёкла. Что там делали? Что происходило за этими красными занавесками? Теперь я это узнаю!

Барберен уселся за стол вместе с хозяином, а я поместился

возле очага и стал смотреть по сторонам.

В противоположном от меня углу сидел старик с большой белой бородой, одетый в такой странный костюм, какого я ещё никогда не видывал. На голове у него была высокая фетровая шляпа с зелёными и красными перьями, из-под которой спускались на плечи длинные пряди волос. меховая безрукавка из овчины плотно облегла его фигуру. шерстяные чулки доходили почти до колен и были крест-накрест перевязаны красными лентами. Он неподвижно сидел на стуле, опершись подбородком на правую руку, и был похож на деревянную статую. Под его стулом лежали и грелись два пуделя, белый и чёрный, и маленькая серая собачка с лукавой ласковой мордочкой. На белом пуделе было надето старенькое кепи полицейского, державшееся под подбородком на кожаном ремешке.

В то время как я с любопытством рассматривал старика, Барберен и хозяин харчевни разговаривали вполголоса. Я понимал, что речь шла обо мне.

Барберен рассказал ему, что пришёл в деревню для того, чтобы просить мэра выхлопотать из приюта пособие на моё содержание. Значит, матушка Барберен кое-чего добилась; и я тотчас же сообразил, что, если Барберен будет получать пособие, мне нечего будет бояться, что меня отдадут в приют.

Старик, казалось, не слушал их разговора, но вдруг он протянул по направлению ко мне правую руку и, обращаясь

к Барберену, спросил:

– Так этот мальчик вам в тягость?

– Да!

– И вы думаете, что администрация приюта согласится платить вам за его содержание?

– Черт возьми, но раз у него нет родителей, а я кормлю его и одеваю, должен же кто-нибудь платить мне за него! По-моему, это справедливо.

– Не возражаю. А вы уверены, что всегда делается то, что справедливо?

– Конечно нет.

– Поэтому-то вы никогда и не получите денежного пособия, о котором хлопчете.

– Тогда он отправится в приют. Нет такого закона, чтобы заставить меня держать его, раз я этого не хочу.

– Вы в своё время согласились взять ребёнка – значит, приняли на себя обязательство его содержать.

– Ну а я его держать не намерен и так или иначе от него отделаюсь.

– Мне кажется, я могу вам указать средство отделаться от него и притом кое-что заработать, – сказал старик после минутного размышления.

– Укажите мне это средство, и я поставлю вам бутылочку с величайшей охотой.

– Заказывайте бутылку. Ваше дело в шляпе.

– Наверняка?

– Наверняка!

Старик поднялся со своего места и уселся напротив Барберена. В тот момент, когда он встал со стула, его овчина как-то странно оттопырилась, словно под левой его рукой находилось какое-то живое существо.

– Вы хотите, чтобы этот ребёнок не ел больше вашего хлеба или чтобы содержание вам оплачивалось, не так ли? – спросил он.

– Правильно, потому что...

– Почему вы этого желаете, меня совсем не интересует. Мне достаточно знать только то, что вы не хотите держать у себя ребёнка. Если это так, отдайте его мне, я буду его содержать.

– Отдать его вам?

– Ну да, чёрт возьми! Ведь вы же хотите от него отделаться?

– Отдать вам ребёнка, такого милого, славного мальчика? Посмотрите-ка на него.

– Я его видел.

– Реми, подойди сюда!

Дрожа от страха, я приблизился к столу.

– Полно, не бойся, малыш! – произнёс старик.

– Ну, смотрите, – продолжал Барберен.

– Разве я говорю, что мальчик некрасив? Я вовсе не желаю иметь урод.

– Ах, если бы он был уродом с двумя головами или хотя

бы карликом...

– Тогда бы вы не думали об отправке его в приют. Вы прекрасно знаете, что урод – это ценность, из которой можно извлечь большую выгоду. Но этот мальчик не карлик и не урод, он вполне нормален и потому ни на что не годен.

– Как – ни на что? Он может работать.

– Нет, такой ребёнок не годится для сельских работ. Поставьте его за плуг – и вы увидите, долго ли он протянет.

– Десять лет.

– И месяца не протянет.

– Да посмотрите на него...

– Посмотрите на него сами!

Я стоял между Барбереном и стариком, которые толкали меня друг к другу.

– Всё равно, – заявил старик, – я беру его таким, каков он есть. Только, разумеется, я его у вас не покупаю, а нанимаю. И даю за него двадцать франков² в год.

– Двадцать франков!

– Цена хорошая, плата вперёд. Вы получаете всю сумму сразу и освобождаетесь от ребёнка.

– Из приюта мне будут платить за него не меньше десяти франков в месяц.

– Вернее, семь или восемь, но вам ещё придётся его кормить.

² Франк – старинная французская монета. В одном франке 20 су или 100 сантимов.

– Он станет работать.

– А если администрация приюта не оставит мальчика у вас, а передаст его другому, тогда вы ровно ничего не получите. В то время как сейчас вам стоит только протянуть руку...

Старик пошарил в кармане, достал оттуда кожаный кошелек, вынул из него несколько серебряных монет и со звоном выбросил их на стол.

– Давайте сорок.

– Нет, та работа, которую он будет у меня выполнять, этого не стоит.

– А что он будет делать? Ноги у него крепкие, руки тоже. Но всё-таки: на что он, по-вашему, годен?

Старик насмешливо посмотрел на Барберена и, попивая маленькими глотками вино из стакана, ответил:

– Он мне нужен для компании. Я становлюсь стар; по вечерам, после тяжёлого дня, и во время дурной погоды у меня бывает грустное настроение. Он будет меня развлекать.

– Ну, для этого-то, уж наверное, его ноги достаточно крепки!

– Неизвестно. Он должен танцевать, прыгать, много ходить, а затем, после ходьбы, снова прыгать и танцевать. Словом, он будет артистом в труппе синьора Виталиса.

– Где ж она, ваша труппа?

– Синьор Виталис – это я, как вы, вероятно, уже сами догадываетесь, а мою труппу, если желаете с ней познакомиться-

ся, я вам сейчас представлю.

Сказав это, он распахнул овчину и достал оттуда какого-то странного зверька.

«Что это за животное? Да и животное ли это?» Я не знал, как назвать зверька, которого видел впервые.

На нём была надета красная куртка, обшитая золотым га-луном, но руки и ноги его оставались голыми. Это были не лапы, а настоящие руки и ноги, только кожа их была не телесного цвета, а чёрная. Чёрной также была и его голова величиной почти с мой кулак; личико у него было широкое и короткое, нос курносый, с большими ноздрями, губы коричневые. Но больше всего поразили меня его глаза: близко поставленные друг к другу, невероятно подвижные, блестящие, как зеркало.

– Какая противная обезьяна! – закричал Барберен.

Теперь я всё понял. Я никогда не видел обезьян, но, разумеется, слышал о них. Значит, передо мной была обезьяна, а не чёрный ребёнок.

– Вот первый артист моей труппы – синьор Душка. Душка, друг мой, приветствуй собравшееся здесь общество!

Душка приложил руку к губам и послал нам воздушный поцелуй.

– А вот и второй, – продолжал Виталис, указывая на белого пуделя. – Синьор Капи сейчас представит почтенному обществу своих друзей.

Белый пудель, который до этого момента лежал непо-

движно, быстро вскочил на задние лапы, скрестил передние на груди и так низко поклонился, что почти коснулся головой пола. Затем он повернулся к другим собакам и лапой сделал им знак приблизиться.

Те тотчас же вскочили и, протянув друг другу лапы так, как люди протягивают руку, с серьёзным видом сделали шесть шагов вперёд, потом три шага назад и поклонились.

– Тот, кого я называю Капи, от итальянского слова «капитан», является старшим среди собак. Он умнее других и передаёт им мои приказания. Молодой франт с чёрной шерстью зовётся Зербино, что значит «любезный». А прелестная юная особа с такой смиренной мордочкой – синьора Дольче; она вполне заслуживает своё прозвище «кроткая». С этими замечательно талантливыми артистами я путешествую по белому свету и зарабатываю на жизнь в зависимости от того, как нам повезёт. Капи, подойди сюда!

Пудель скрестил лапы.

– Мои артисты прекрасно воспитаны, и я с ними всегда очень вежлив. Капи, будь любезен и скажи, пожалуйста, этому мальчику, который смотрит на тебя с таким изумлением, который теперь час.

Капи подошёл к своему хозяину, раздвинул овчину, порылся в его жилетном кармане и достал оттуда большие серебряные часы. Посмотрев на циферблат, он громко и отчётливо тьякнул два раза, а затем три раза, но уже более слабо. В самом деле, было два часа и три четверти.

– Очень хорошо! – сказал Виталис. – Благодарю тебя, Капи. Теперь попроси синьору Дольче немного попрыгать через верёвочку.

Капи начал шарить в кармане хозяина и достал оттуда верёвку. Затем он сделал знак Зербино, который быстро встал напротив него. Капи бросил ему конец верёвки, и тот схватил её зубами.

Тогда Дольче принялась прыгать через верёвку, не сводя красивых и нежных глаз с хозяина.

– Вы видите, как умны мои ученики, – заметил Виталис. – Но ум оценивается по достоинству только при сравнении. Вот почему я и приглашаю мальчика в мою труппу. Он будет играть роль дурачка и тем ещё больше подчёркивать необычайный ум животных...

– О, чтобы играть дурака... – перебил Барберен.

– ...для этого надо быть очень умным, – продолжал Виталис. – Я уверен, что у мальчика ума достаточно. Впрочем, мы это сейчас увидим. Произведём небольшое испытание. Если мальчик умён, он поймёт, что с синьором Виталисом у него будет возможность обойти всю Францию и увидеть много других различных стран. А если он глуп, он начнёт плакать, кричать, и синьор Виталис, который не любит капризных детей, не возьмёт его с собой. Тогда этому бедному мальчику придётся идти в приют, где его заставят много работать и где его будут плохо кормить.

Я был достаточно умён, чтобы понять его слова. Конечно,

воспитанники синьора Виталиса очень забавны; очень интересно было бы всегда путешествовать. Но для этого надо расстаться с матушкой Барберен. Если же я откажусь идти с ними, то, по всей вероятности, не останусь и у матушки, так как меня отправят в приют.

Видя, что я стою взволнованный, со слезами на глазах, Виталис ласково потрепал меня по щеке:

– Ну вот, мальчик всё понял и не плачет, и завтра...

– Оставьте меня у матушки, – закричал я, – умоляю вас!..

Прежде чем я успел что-либо прибавить, меня прервал отчаянный лай Капи. Собака кинулась к столу, на котором сидел Душка. Обезьянка, уловив момент, когда все обернулись ко мне, тихонько взяла стакан с вином и уже собралась его выпить. Но Капи заметил проделку обезьянки и решил ей помешать.

– Синьор Душка, – сурово сказал Виталис, – ты лакомка и вор. Встань в угол, носом к стене, а ты, Зербино, посторожи его. Если он не будет стоять спокойно, шлёпни его. Капи, ты хороший пёс! Дай мне твою лапу, я пожму её.

В то время как обезьянка, тихо ворча, выполняла приказание, счастливый и гордый Капи протянул свою лапу хозяину.

– Теперь, – продолжал Виталис, – перейдём к делу. Даю вам тридцать франков.

– Нет, сорок...

Торг возобновился, но вдруг Виталис прервал его:

– Мальчику скучно. Пусть он пойдёт во двор харчевни и там поиграет.

В то же время он сделал знак Барберену.

– Верно, – ответил тот, – ступай во двор и никуда не уходи, пока я тебя не позову, не то я рассержусь.

Мне оставалось только повиноваться.

Я пошёл во двор, но, конечно, играть не мог. Я сел на камень и стал размышлять. Судьба моя решалась в этот момент. Что-то будет? Зубы у меня стучали от холода и волнения. Спор между Виталисом и Барбереном продолжался очень долго, и прошло больше часа, прежде чем Барберен пришёл за мной. Он был один.

– Идём домой! – крикнул он мне.

«Домой! Значит, я останусь у матушки?» Но я не посмел его об этом спросить, потому что он был сильно не в духе.

Мы возвращались домой в глубоком молчании.

Приблизительно за десять минут до прихода домой Барберен, шедший впереди, остановился.

– Помни, – грубо сказал он, схватив меня за ухо, – если ты скажешь хоть одно слово из того, что сегодня слышал, тебе не поздоровится! Итак, берегись!

Глава IV

Родной дом

– Что же сказал мэр? – спросила нас матушка Барберен,

когда мы вернулись.

– Мы его не видели.

– Почему? – удивилась она.

– Я встретил друзей и зашёл с ними в харчевню, а когда мы оттуда вышли, идти к мэру было уже поздно. Ничего, сходим к нему завтра.

Последние слова Барберена успокоили меня. Раз мы завтра должны снова идти к мэру, значит, он не согласился на предложение Виталиса.

Несмотря на угрозу Барберена, я бы, конечно, сказал матушке о моих подозрениях. Но, как нарочно, Барберен весь вечер не уходил из дому и не оставлял нас ни на одну минуту вдвоём. Я лёг спать, так и не найдя возможности поговорить с ней.

Засыпая, я решил, что расскажу ей всё завтра утром. Но когда я проснулся, матушки Барберен уже не было дома.

– Где мама?

– Она пошла в деревню и вернётся только после полудня.

Не знаю почему, но её отсутствие сильно встревожило меня. Накануне вечером она никуда не собиралась. Не отдавая себе отчёта в угрожавшей мне опасности, я смутно её предчувствовал.

Барберен посматривал на меня как-то загадочно, что меня ещё больше тревожило. Желая избежать этих взглядов, я вышел в сад. В этом небольшом садике росло всё необходимое для нашего хозяйства: картошка, бобы, капуста, мор-

ковь и репа. В нём, казалось, не было ни одного свободного местечка. Однако матушка отвела для меня маленький уголок. Здесь я посадил много разных растений, трав, мхов, выкопанных мной в тех местах, где я пас корову.

В нашем саду не было ни аллей, посыпанных песком, ни длинных клумб, выровненных по шнурочку и засаженных редкими цветами. Прохожие не останавливались, чтобы полюбоваться на него поверх изгороди подстриженного терновника. Но я сам трудился над ним, я устроил его по своему желанию и когда говорил о нём, то с гордостью называл его «моим садом».

Прошлым летом я собрал и посадил в нём различные цветущие растения, которые должны были скоро распуститься. На жонкилях³ уже появились бутоны, начинавшие желтеть. У фиалок показались маленькие лиловые лепестки, а в середине сморщенных листов примулы уже виднелись бутоны. Как они будут цвести? Меня это очень интересовало.

Но был один уголок моего сада, за которым я наблюдал с чувством большим, чем простое любопытство, – можно сказать, даже с некоторым волнением.

В этой части сада я посадил земляные груши⁴; мне сказали, что они гораздо вкуснее картофеля. Не говоря ничего матушке Барберен, я посадил в моём саду эти корнеплоды.

³ Жонкиль – один из видов нарцисса.

⁴ Земляная груша (топинамбур) – травянистое растение, клубни которого употребляют в пищу.

Когда они пустили ростки, я уверил её, что это цветы. В один прекрасный день, когда они созреют, я в отсутствии матушки выкопаю земляные груши и сварю их. Как я это сделаю, я сам не знал хорошенько, но в моём воображении эта подробность меня мало смущала.

Как будет изумлена матушка! Как она будет довольна! Ведь вместо надоевшей картошки у нас будет новое вкусное блюдо, и матушка не будет так грустить о продаже бедной Рыжухи. А кто изобрёл это новое блюдо? Я, Реми. Значит, и я могу принести какую-то пользу.

Понятно, что я с большим вниманием следил за ростом моих земляных груш. Ежедневно я приходил взглянуть на тот уголок, где они были посажены. От нетерпения мне казалось, что они никогда не вырастут.

Я стоял на коленях, уткнувшись носом в землю, когда услышал, что кто-то нетерпеливо окликнул меня. Это был Барберен. Что ему нужно? Я поспешно вернулся в дом. Какое же было моё изумление, когда я увидел перед собой синьора Виталиса и его собак!

Я мгновенно понял всё. Виталис пришёл за мной, и для того чтобы матушка Барберен не могла за меня заступиться, Барберен усладил её с утра в деревню.

Чувствуя, что мне нечего ждать сочувствия от Барберена, я подбежал к Виталису.

- Умоляю вас, не уводите меня! – закричал я и зарыдал.
- Слушай, малыш, – сказал он ласково, – тебе не будет

плохо со мной. Я не бью и не обижаю детей, а мои воспитанники, с которыми тебе придётся жить, чрезвычайно милы и забавны. О чём тебе жалеть?

– Матушка, матушка!

– Во всяком случае, здесь ты не останешься, – заявил Барберен, грубо хватая меня за ухо. – Выбирай сам: этот человек или приют.

– Нет, я хочу только матушку!

– В конце концов, ты мне надоел! – закричал Барберен в сильнейшем гневе. – Если тебя нужно гнать отсюда палкой, то я так и сделаю.

– Мальчику тяжело расставаться с матерью, за что же его бить? У него есть сердце – и это хорошо.

– Если вы начнёте его жалеть, он заревёт ещё пуще.

– Теперь перейдём к делу.

Сказав это, Виталис выложил на стол несколько серебряных монет, которые Барберен мгновенно сунул в карман.

– Где его вещи? – спросил Виталис.

– Вот они, – ответил Барберен, показывая на голубой бумажный платок, завязанный узлом.

Виталис развязал его и посмотрел, что там находится. В узле оказались две рубашки и холщовые штаны.

– Это не то, о чём мы с вами условились. Вы должны были отдать его вещи, а я вижу здесь только лохмотья.

– Других у него нет.

– Если бы я спросил у ребёнка, он ответил бы мне, что

это не так. Но я не хочу спорить. У меня нет времени, пора отправляться в путь. Пойдём, малыш. Как тебя зовут?

– Реми.

– Идём, Реми. Возьми узелок и ступай впереди Капи. Шагом марш!

Я умоляюще посмотрел на него, потом на Барберена. Оба они отвернулись, а Виталис взял меня за руку. Надо было уходить. Когда я переступил через порог нашего бедного домика, мне показалось, что я оставил в нем частицу самого себя.

Я быстро огляделся вокруг, но мои глаза, затуманенные слезами, не увидели никого, к кому бы я мог обратиться за помощью, – ни на дороге, ни в поле не было ни одного человека.

Я начал звать:

– Мама! Матушка!

Мне никто не ответил, и я горько разрыдался.

Пришлось следовать за Виталисом, который не выпускал моей руки.

– Счастливого пути! – крикнул Барберен и вернулся в дом.

Всё было кончено.

– Ну, Реми, пойдём же! – ласково потянул меня за собой синьор Виталис.

Дорога, по которой мы шли, поднималась зигзагами в гору, и на каждом повороте я мог видеть домик матушки Бар-

берен, который постепенно становился всё меньше и меньше. Я часто бегал по этой дороге и знал, что, когда мы дойдём до верхнего поворота, я увижу домик в последний раз, а затем, как только мы пройдем несколько шагов по ровному месту, его уже больше не будет видно.

Мы поднимались довольно долго и наконец добрались до вершины горы. Виталис по-прежнему не выпускал моей руки.

– Позвольте мне немного отдохнуть, – попросил я.

– С удовольствием, мой мальчик.

Он отпустил мою руку и в то же время многозначительно взглянул на Капи, который, очевидно, понял его. Тотчас же, как это делают пастушечьи собаки, Капи встал позади меня. Я понял, что Капи мой сторож и, если я попытаюсь сделать хотя бы одно движение, чтобы удрать, он схватит меня за ногу.

Я уселся на краю дороги, обсаженной дёрном. Капи улёгся рядом.

Внизу расстилалась долина, по которой мы только что шли. А ещё дальше одиноко стоял тот домик, где протекло моё детство. Его нетрудно было отыскать среди деревьев, потому что в это время небольшая струйка дыма выходила из трубы и поднималась вверх, почти достигая нас. Мне показалось, что с этим дымом до меня донёсся запах сухих дубовых листьев, что я сижу у нашего очага, на маленькой скамеечке, а ветер, забравшись в печную трубу, выбивает дым

мне прямо в лицо. Несмотря на далёкое расстояние и большую высоту, все предметы, хотя и в уменьшенном виде, были отчётливо видны. Единственная курица, которая у нас ещё оставалась, ходила взад и вперёд по навозной куче. Отсюда её можно было принять за маленькую птичку. За углом дома я видел грушевое дерево с искривлённым стволом, на котором я любил кататься верхом. Дальше, рядом с ручьём, протекавшим светлой ленточкой по зелёной траве, находился мой отводной канал. Я выкопал его с огромным трудом, для того чтобы приводить в движение колесо мельницы, которую я сам сделал. Колесо это, увы, ни разу не повернулось, несмотря на все мои старания. Всё там было по-прежнему, всё находилось на своих обычных местах: и тачка, и плуг, сделанный из кривого сучка, и ящик, где я растил кроликов, и садик, мой дорогой садик...

Кто увидит, как зацветут мои милые цветочки? Кто будет ухаживать за моими земляными грушами? Конечно, Барберен, противный и злой Барберен.

Один только шаг – и всё исчезнет навсегда...

Вдруг на дороге, ведущей от деревни к дому, я заметил белый чепчик. Он исчез за деревьями, потом быстро появился снова. На таком далёком расстоянии я мог различить только белый чепчик, который, подобно светлой весенней бабочке, мелькал среди ветвей. Но в иные моменты сердце видит лучше и дальше, чем самые зоркие глаза. Я узнал матушку Барберен. Это она, я был в этом уверен, я это чувствовал.

– Ну что, – спросил меня Виталис, – идём дальше?

– Подождём ещё, прошу вас!

– Значит, мне сказали неправду, и ноги у тебя слабые. Ты уже устал. Это сулит нам мало хорошего.

Но я ничего не ответил, а всё глядел и глядел.

Да, это была матушка Барберен: её чепчик, её синяя юбка.

Она быстро шла, словно торопилась как можно скорее вернуться домой. Подойдя к калитке, она толкнула её и быстро вошла во двор.

Я тотчас же вскочил, забыв о Капи, который прыгал вокруг меня.

Матушка Барберен недолго оставалась в доме. Она тотчас же вышла оттуда и принялась бегать по двору взад и вперёд, протягивая руки. Несомненно, она искала меня. Я рванулся вперёд и громко закричал:

– Мама! Мама!

Но мой крик не долетал до неё и не мог заглушить журчание ручья.

– Что с тобой? Ты сошёл с ума? – спросил меня Виталис.

Я молчал, не отрывая глаз от матушки Барберен. Но она не знала, что я нахожусь так близко от неё, и не думала о том, что ей следует только взглянуть наверх, чтобы увидеть меня. Она пробежала через двор, вернулась на дорогу и стала повсюду искать меня. Я закричал ещё сильнее, но и на этот раз безуспешно.

Тогда Виталис понял, в чём дело, и подошёл ко мне. Он сразу заметил белый чепчик.

– Бедный малыш! – пробормотал он вполголоса.

– Умоляю вас, позвольте мне вернуться! – закричал я, ободрённый его словами.

Но он взял меня за руку и заставил спуститься на дорогу:

– Ты уже отдохнул. Идём!

Я хотел вырваться, но он крепко держал меня.

– Капи, Зербино! – позвал Виталис.

Собаки окружили меня. Пришлось следовать за Виталисом.

Пройдя несколько шагов, я обернулся, но мы уже перевалили через вершину горы, и я не увидел больше ни нашей долины, ни нашего домика. Одни голубоватые холмы, казалось, поднимались до самого неба. Взгляд мой затерялся в безграничном воздушном пространстве.

Глава V

В дороге

На вершине горы, которая разделяет бассейны рек Лауры и Дордони, Виталис взял меня за руку, и мы тотчас же начали спускаться по склону, обращённому на юг. Только после того как мы прошли около четверти часа, Виталис выпустил мою руку.

– Теперь иди тихонько возле меня и помни, что, если ты вздумаешь бежать, Капи и Зербино мигом тебя схватят. А зубы у них очень острые.

Бежать! Я прекрасно понимал, что бежать невозможно и, следовательно, не стоит даже пытаться. В ответ я тяжело вздохнул.

– Тебе очень грустно, – продолжал Виталис, – я вполне это

понимаю. Если хочешь, можешь поплакать. Но постарайся понять одно: то, что произошло, не является для тебя несчастьем. Что тебя ожидало? Вероятно, ты бы попал в приют. Люди, воспитавшие тебя, – не твои родители. Мать, как ты мне сказал, была к тебе очень добра. Ты любишь её, тебе тяжело с ней расставаться, всё это так, но подумай, разве она могла оставить тебя против воли мужа? С другой стороны, муж её, может быть, вовсе не такой плохой, как ты о нём думаешь. Ему не на что жить, он калека, работать не может и вполне справедливо рассуждает, что нельзя же ему умирать с голоду для того, чтобы тебя кормить. Пойми, мой мальчик, жизнь – тяжёлая борьба и не всегда приходится поступать так, как хочется.

Без сомнения, это были мудрые слова, во всяком случае – слова человека, имевшего житейский опыт. Но в настоящий момент я чувствовал такое сильное горе, что никакие слова не могли меня утешить.

Я никогда больше не увижу ту, которая меня растила, ласкала, ту, которую я любил, как родную мать. При этой мысли у меня сжималось горло и я задыхался от слёз. Тем не менее, идя рядом с Виталисом, я невольно думал о том, что он мне только что сказал. Конечно, он был прав. Барберен мне не отец, и у него нет оснований терпеть нужду ради меня. Он добровольно приютил меня, хотел воспитать. Если теперь он от меня отделался, то только потому, что не имел средств меня содержать. И я всегда должен с благодарностью вспо-

минать о годах, проведённых в его доме.

– Хорошенько подумай о том, что я тебе говорил, малыш, – закончил Виталис. – Тебе не будет плохо со мной.

После довольно крутого спуска мы очутились на большой равнине. Нигде ни домика, ни дерева – всюду ровная поверхность, покрытая рыжеватым вереском и то там, то сям заросшая диким терновником, колыхавшимся от ветра.

Долго мы шли по этой пустынной и печальной дороге. Кругом ничего не было видно, кроме холмов с голыми вершинами.

Я совсем иначе представлял себе путешествия. И то, что я видел теперь, нисколько не походило на те чудесные страны, которые я рисовал себе в моём детском воображении.

Виталис шёл большими ровными шагами и нёс Душку на плече или в мешке, а собаки бежали мелкой рысью возле него.

По временам Виталис ласково обращался к ним иногда на французском, а иногда на каком-то непонятном мне языке.

Ни он, ни собаки, по-видимому, совсем не устали. Не то было со мной: физическая усталость и нравственное потрясение довели меня до полного изнеможения. Я едва волочил ноги и с трудом брёл за моим хозяином. Однако я не смел просить его остановиться.

– Ты, вероятно, сильно устал от своих сабо⁵, – сказал он. –

⁵ Сабб – башмаки на деревянной подошве или целиком сделанные из дерева, которые обычно носили крестьяне во Франции.

В Юсселе я куплю тебе башмаки.

Слова эти меня ободрили. Я давно мечтал иметь настоящие башмаки. В нашей деревне только сыновья мэра и хозяйина харчевни носили башмаки.

– А далеко ещё до Юсселя?

– Тебе, наверно, очень хочется иметь башмаки! – засмеялся Виталис. – Хорошо, я куплю тебе башмаки на гвоздях, кроме того, куплю бархатные штаны, куртку и шляпу. Надеюсь, что это подбодрит тебя и поможет пройти те несколько километров, которые нам остались.

Какой добрый человек мой хозяин! Разве бы злой обратил внимание на то, что меня утомляют тяжёлые сабо?

Башмаки, башмаки на гвоздях! Бархатные штаны, куртка, шляпа! Ах, если б матушка Барберен увидела меня, как бы она была счастлива, как гордилась бы мною... Как жаль, что до Юсселя ещё так далеко!

Несмотря на обещанные мне башмаки и бархатные штаны, я чувствовал, что не в силах больше идти.

К счастью, мне на помощь пришла погода. Небо, бывшее с утра ясным, к вечеру покрылось серыми тучами, и вскоре начался мелкий дождь, который не прекращался.

Виталис был хорошо защищён от дождя своей овчиной, так же как и Душка, который при первых каплях дождя проворно спрятался к нему на грудь. Но собакам и мне нечем было укрыться, и мы вскоре промокли до костей. Я совсем заоченел от холода.

– Ты легко простужаешься? – спросил меня хозяин.

– Не знаю. Я не помню, чтобы когда-нибудь был болен.

– Отлично, отлично. Положительно в тебе есть кое-что хорошее. Однако я не хочу напрасно рисковать твоим здоровьем. Вон видна деревня, там мы и переночуем.

Но в этой деревне не оказалось харчевни, и никто не хотел принять к себе бродягу, за которым тащились ещё ребёнок и три собаки, с головы до ног покрытые грязью. «Здесь нельзя ночевать», – говорили нам и перед самым носом запирали дверь.

Что было делать? Идти в Юссель, до которого оставалось ещё несколько километров? Ночь надвигалась, холодный дождь пронизывал нас, и я чувствовал, что мои ноги стали как деревянные.

Наконец один крестьянин, более сострадательный, чем его соседи, согласился пустить нас в сарай. Но он взял с нас слово, что мы не будем зажигать огня.

– Отдайте мне спички, – обратился он к Виталису. – Завтра утром, когда вы будете уходить, я их вам верну.

Мы охотно согласились, так как были счастливы уже тем, что нашли кров и не мокли больше под дождём.

Виталис, как человек предусмотрительный, никогда не пускался в путь без запаса провизии. В его солдатском мешке, который он нёс за плечами, хранилась большая краюха хлеба; этот хлеб он разделил на части.

Тут я впервые увидел, каким образом поддерживал он

дисциплину и послушание в своей группе.

Пока мы ходили по деревне в поисках убежища, Зербино вбежал в один дом и быстро выскочил оттуда с куском хлеба в зубах. Виталис сказал ему только: «До вечера, Зербино».

Я уже забыл об этой краже, но когда хозяин стал делить хлеб, я увидел, что Зербино поджал хвост и съёжился.

Мы сидели на двух охапках сена, Виталис и я рядом, Душка – посередине. Собаки лежали перед нами: Капи и Дольче – устремив глаза на своего хозяина, а Зербино – с опущенным хвостом и насторожившись.

– Пусть вор уйдёт отсюда и отправится в угол, – строго произнёс Виталис. – Он ляжет сегодня без ужина.

Тотчас же Зербино покинул своё место и пополз в указанный ему угол. Он весь зарылся в сено, так что мы его не видели, а только слышали его жалобные вздохи и слабое тьяканье.

Наказав Зербино, Виталис протянул мне кусок хлеба, а другой взял себе. Порции, предназначенные для Душки, Капи и Дольче, он разломил на маленькие кусочки.

Хотя за последнее время у матушки Барберен я был мало избалован едой, перемена, происшедшая в моей жизни, была весьма ощутительной.

Каким вкусным казался мне теперь горячий суп, который варила по вечерам матушка Барберен, даже когда она варила его без масла! Как приятно сидеть в уголке у печки! Какое наслаждение лечь в постель и укрыться одеялом до самого

носа!

Но увы! Об этом не могло быть и речи. Хорошо ещё, что у нас было сено. Разбитый усталостью, с ногами, натёртыми сабо, я дрожал от холода в своей насквозь промокшей одежде.

Было уже очень поздно, а я всё ещё не мог уснуть.

– Ты дрожишь. Тебе, верно, холодно? – спросил меня Виталис.

– Немного.

Я слышал, как он развязал мешок.

– У меня нет большого запаса белья и одежды, – сказал он, – но вот тебе сухая рубашка и жилет. Сними всё мокрое и надень их. Затем заройся в сено, постарайся согреться и уснуть.

Но мне всё-таки было страшно холодно, и я долго ворочался с боку на бок. Я был так огорчён и несчастлив, что не мог спать. Неужели теперь всегда мне придётся идти без отдыха под дождём, ночевать в сарае, дрожать от холода, получать на ужин сухую корку хлеба и не иметь никого, кто бы любил меня и жалел? Милая моя, дорогая матушка!

Я предавался этим печальным мыслям, и слёзы неудержимо текли из моих глаз. Вдруг я почувствовал на лице тёплое дыхание.

Протянув руку, я нащупал пушистую шерсть. Это был Капи. Осторожно пробираясь по селу, он тихонько подполз ко мне и обнюхал меня. Затем Капи улёгся рядом со мной и

принялся нежно лизать мою руку. Растроганный этой лаской, я немного приподнялся и поцеловал его в холодный нос. В ответ он слабо твякнул.

Я забыл про усталость и горе. Слёзы перестали душить меня, и я свободно вздохнул. Теперь я не чувствовал себя одиноким: у меня появился друг.

Глава VI

Моё первое выступление

На следующий день мы пустились в путь очень рано. Дождь перестал, небо было ясное, и благодаря ветру, который дул ночью, грязь почти высохла. Птички весело щебетали в придорожных кустах, и собаки резвились вокруг нас. Время от времени Капи становился на задние лапы и лаял мне в лицо. Я очень хорошо понимал значение этого лая. «Не падай духом, смелее!» – казалось, говорил он мне.

Я ещё нигде не бывал, кроме нашей деревушки, и потому мне очень хотелось посмотреть на настоящий город. Но должен признаться, что Юссель не произвёл на меня большого впечатления. Его старинные дома с башенками, представляющие, без сомнения, ценность для археологов, оставили меня совершенно равнодушным. По правде сказать, я меньше всего интересовался красотой этих домов. Я думал только об одном: о кожаных башмаках, обещанных мне Виталисом. Наступал час, когда я должен был их надеть. Где

находится эта чудесная лавка, в которой они продаются? Я искал её глазами, а всё остальное: башенки, арки, колонны – ничуть не занимало меня.

Поэтому единственное, что запомнилось мне в Юсселе, была тёмная, закопчённая лавка, расположенная возле рынка. На витрине её были выставлены старые ружья, какая-то одежда с серебряными эполетами, обшитая по швам галуном, множество ламп и старых железных изделий, главным образом замков и ржавых ключей. Спустившись на три ступеньки, мы попали в большую комнату, куда, по-видимому, никогда не проникал дневной свет.

Как могла такая чудесная вещь, как башмаки, продаваться в этом ужасном месте?

Однако Виталис знал, что делал. Очень скоро я уже был обут в башмаки на гвоздях, которые были по крайней мере раз в десять тяжелее моих сабо. Щедрость Виталиса этим не ограничилась. Кроме башмаков он купил мне синюю бархатную курточку, шерстяные штаны и фетровую шляпу – словом, всё то, что обещал.

Я одет в бархат, я, который никогда не носил ничего, кроме холста! У меня есть башмаки, шляпа! До сих пор у меня на голове никогда ничего не было, кроме собственных волос. Положительно Виталис – самый лучший человек на свете, самый щедрый и самый богатый!

Правда, бархат куртки был сильно помят, а штаны потёрты; очень трудно было также определить первоначальный

цвет фетра – настолько он выгорел от дождя и пыли, – но я был так ослеплён всем этим великолепием, что не замечал никаких недостатков.

Мне не терпелось поскорее надеть на себя эту красивую одежду, но Виталис сначала занялся её переделкой, что меня крайне огорчило.

Вернувшись в харчевню, он достал из своего мешка ножницы и обрезал штаны до колен. Так как я растерянно глядел на него, он сказал:

– Кто мы такие? Артисты, не так ли? Комедианты, которые одним своим видом должны вызывать интерес. Если мы будем одеты как обычные горожане или крестьяне, на нас никто не обратит внимания.

Вот почему из француза, каким я был утром, к вечеру я сделался итальянцем.

Виталис обрезал мои штаны до колен, а чулки перевязал крест-накрест красными лентами. Фетровую шляпу он тоже украсил различными лентами и прикрепил к ней букетик шерстяных цветов.

Не знаю, какого мнения были обо мне окружающие, но должен признаться, что сам себе я страшно нравился. Капи, по-видимому, вполне одобрил мой новый костюм, потому что, оглядев меня, протянул мне лапу. Зато Душка всё время, пока я переодевался, стоял передо мной и всячески передразнивал меня.

– Теперь примемся за работу, – обратился ко мне Вита-

лис. – Завтра базарный день, и я намерен устроить большое представление, в котором ты будешь участвовать. Сейчас мы прорепетируем твою роль.

По моему удивлённому взгляду он увидел, что я его не понял.

– Под ролью я подразумеваю то, что тебе придётся делать во время нашего представления. Я взял тебя с собой не ради твоего развлечения: для этого я недостаточно богат. Ты должен работать. Твоя работа будет состоять в том, что ты будешь участвовать в комедии вместе с Душкой и собаками.

– Но я не умею играть! – испуганно воскликнул я.

– Вот потому-то я и должен тебя научить. Ты прекрасно понимаешь, что Капи не мог сам научиться ходить на задних лапах, а Дольче не ради своего удовольствия прыгает через верёвку. Прежде чем Капи стал ходить на задних лапах, а Дольче – прыгать через верёвку, им пришлось много и долго учиться. Вот теперь и тебе придётся работать, чтобы выучить те различные роли, которые ты будешь исполнять вместе с ними. Итак, начинаем!

Я был поражён. До сих пор я думал, что работать – это значит копать землю, рубить деревья, тесать камень; другой работы я не мог себе представить.

– Пьеса, которую мы будем играть, называется «Слуга генерала Душки». Вот её содержание. Генерал Душка до сегодняшнего дня имел слугу Капи, которым был очень доволен. Но Капи стал стар, и генерал пожелал нанять нового слугу.

Капи нашёл ему деревенского мальчика по имени Реми.

– Его зовут так же, как меня?

– Да это ты и есть. Ты прибыл из деревни для того, чтобы сделаться слугой генерала Душки.

– У обезьян не бывает слуг.

– В комедиях они бывают. Ты являешься к генералу, и он находит, что у тебя глупый вид.

– Мне это совсем не нравится!

– Не всё ли тебе равно, если это делается ради смеха!

Представь себе, что ты на самом деле приходишь к хозяину, чтобы наняться слугой, и что тебе приказывают, например, накрыть на стол. Вот стол, который будет служить нам во время представления. Подойди к нему и накрой его к обеду.

На столе находились тарелки, стакан, нож, вилка и белая салфетка. Как же всё это нужно разложить? Задав себе этот вопрос, я остановился на месте, вытянув вперёд руки и раскрыв рот, не зная с чего начать.

Мой хозяин захлопал в ладоши и громко расхохотался:

– Bravo, bravo, превосходно! Ты просто бесподобен.

Мальчик, который у меня был до тебя, корчил хитрую мину и всем своим видом говорил: «Сейчас вы увидите, как я здорово изображу дурака». Ты ничего не хочешь изобразить, остаёшься самим собой, и твоя наивность восхитительна.

– Я просто не знаю, что мне делать.

– Этим-то ты и хорош. Завтра или через несколько дней ты прекрасно будешь знать, что делать. Тогда тебе уже при-

дётся припоминать то замешательство, которое ты испытываешь теперь, и изображать то, чего ты больше не чувствуешь. Если ты сможешь по своему желанию принимать это выражение лица и эту позу, я предсказываю тебе большой успех. Кого ты изображаешь в моей комедии? Молодого крестьянина, который ничего в жизни не видел и нигде не бывал. Ты нанимаешься к обезьяне, и, оказывается, ты меньше знаешь и умеешь, чем она. Твоя роль заключается в том, что ты должен быть глупее Душки. Чтобы хорошо сыграть эту роль, тебе надо оставаться таким, каков ты сейчас.

«Слуга генерала Душки» была небольшая комедия, представление которой продолжалось не больше двадцати минут. Репетиция же наша длилась около трёх часов, так как Виталис заставлял меня и собак по нескольку раз начинать всё сначала. Я был крайне удивлён терпением и кротостью нашего хозяина. Виталис в продолжение всей длинной репетиции не только ни разу не вышел из себя, но даже ни разу не выругался.

– Начнём сначала, – строго говорил он, если то, что он требовал, не выполнялось. – Капи, это плохо! Душка, ты невнимателен, я на тебя рассержусь.

Это было всё, и этого было достаточно.

– Ну, как ты думаешь, сможешь ты участвовать в представлении? – спросил он меня после окончания репетиции.

– Не знаю.

– Тебе не надоело?

– Нет, мне очень понравилось.

– Значит, всё в порядке. У тебя есть смекалка, а что ещё более ценно, ты внимателен. Если ты будешь и впредь внимателен и послушен, ты многого достигнешь. Посмотри на собак и сравни их с Душкой. У Душки больше ума и живости, но у него нет послушания. Он легко заучивает все, что ему показывают, но тотчас же всё и забывает. К тому же он часто неохотно выполняет то, чего от него требуют. Он с удовольствием бы не послушался и всегда любит делать наперекор. Таков его характер, и потому я на него не сержусь. Будь внимателен, мой мальчик, будь послушен. Исполни добросовестно свои обязанности. В жизни это залог успеха!

Тогда я осмелился сказать ему, что во время репетиции меня сильно поразило его безграничное терпение.

В ответ он кротко улыбнулся:

– Очевидно, ты до сих пор жил среди людей, которые жестоко обращались с животными.

– Нет, матушка Барберен была очень ласкова с нашей коровой Рыжухой, – заметил я.

– Из твоих слов видно, что матушка Барберен очень хорошая женщина. Она понимала, что грубостью от животных ничего не добьёшься. Я многому научил своих животных только потому, что никогда не сердился на них. Если бы я стал их бить, они сделались бы пугливыми, а страх парализует ум. Кроме того, если бы я раздражался, то не был бы таким терпеливым, как сейчас, потому что, воспитывая дру-

гих, воспитываешь самого себя. Мои собаки дали мне не меньше уроков, нежели я им. Я развил их ум, а они – мой характер.

Это показалось мне настолько странным, что я засмеялся.

– Тебе кажется смешным, что собака может чему-то научить человека? Тем не менее это так. Представь себе, что я, обучая Капи, начал бы злиться и раздражаться. Капи тоже бы стал злым и бешеным, то есть, подражая мне, он испортился бы. У сдержанного и ласкового хозяина собака всегда воспитанная и ласковая.

Мои новые друзья – собаки и обезьяна – привыкли к выступлениям перед зрителями и потому могли не бояться завтрашнего дня. Им предстояло делать то, что они проделывали уже много раз, тогда как я выступал впервые. Поэтому я сильно волновался, когда на следующий день утром мы шли на городскую площадь, где должно было состояться наше представление.

Виталис открывал шествие. Высоко подняв голову и выпрямив грудь, он играл на флейте, отбивая такт ногами. За ним бежал Капи, на спине которого с независимым видом сидел Душка, одетый в костюм английского генерала; на нём были сюртук и штаны красного цвета, обшитые золотым галуном, и шляпа, украшенная огромным пером. На расстоянии нескольких шагов от него бежали рядом Зербино и Дольче. Я шёл позади всех. Таким образом наше шествие растянулось по улице.

Жители Юсселя подходили к дверям, чтобы посмотреть на нас; занавески во всех окнах быстро приподнимались. Ребятишки бежали за нами, удивлённые горожане присоединялись к ним, и когда мы пришли на площадь, сзади и вокруг нас образовалась целая толпа. Мы очень быстро соорудили сцену. Обмотав верёвкой четыре дерева, мы отгородили четырёхугольник, в середине которого и поместились.

В первой части нашего представления мы показывали различные фокусы, проделываемые собаками. В чём они состояли, я бы не мог теперь сказать, так как был занят повторением своей роли и слишком взволнован предстоящим выступлением. Припоминаю только то, что Виталис сменил флейту на скрипку и на ней аккомпанировал собакам, наигрывая то танцы, то какие-то нежные, тихие мелодии. Толпа зрителей всё увеличивалась, и я видел множество блестящих глаз, устремлённых на меня.

Когда первая половина представления окончилась, Капи взял в зубы деревянную чашечку и, встав на задние лапки, начал обходить «почтенную публику». Если кто-нибудь не бросал в чашку монеты, Капи останавливался, относил чашку в сторону, а затем клал свои передние лапы на скупого зрителя и несколько раз ударял его лапой по карману. Тогда среди присутствующих раздавались крики, весёлые замечания и насмешки:

- Хитрый пудель! Знает, у кого карманы полны.
- Ну-ка, раскошеливайся!

– Ни за что не даст!

– Не бойся, покроешь убыток из дядюшкиного наследства!

И монеты в конце концов всё-таки сыпались в чашечку.

Виталис в это время молча следил глазами за сбором, наигрывая на скрипке весёлые мелодии.

Скоро Капи вернулся к хозяину, гордо неся в зубах полную чашечку.

Настала пора мне и Душке появиться на сцене.

– Уважаемая публика, – обратился к зрителям Виталис, – продолжаем наше представление. Сейчас вы увидите интересную комедию под названием «Слуга генерала Душки». Я не такой человек, чтобы заранее хвалить свою пьесу и своих актёров. Скажу вам только одно: слушайте во все уши, раскрывайте пошире глаза, готовьте руки для аплодисментов.

То, что он называл «интересной комедией», в сущности, являлось пантомимой⁶. Иначе и не могло быть по той простой причине, что два главных актёра, Душка и Капи, совсем не умели говорить, а третий, то есть я, был не в состоянии вымолвить и двух слов. Но чтобы сделать игру актёров понятной, Виталис сопровождал пьесу объяснениями. Так, тихо наигрывая военный марш, он объявил о выходе английского генерала Душки, получившего чины и нажившего состояние во время войны с Индией. До сегодняшнего дня ге-

⁶ Пантомима – представление, в котором действующие лица объясняются не словами, а жестами и мимикой.

нерал Душка имел только одного слугу – Капи, но теперь он захотел иметь у себя в услужении человека. Животные слишком долго были рабами людей – отныне пусть будет наоборот.

В ожидании прихода слуги генерал прогуливался взад и вперёд, куря сигару. Надо было видеть, как он пускал дым в лицо зрителям! Но вот генерал потерял терпение, он начал гневно вращать глазами, кусать губы и топтать ногой.

В этот момент на сцене появился я в сопровождении Капи. Если бы я забыл о выходе, Капи напомнил бы мне о нём. Он протянул мне лапку и подвёл меня к генералу. Генерал, увидев меня, огорчённо всплеснул руками. Как! Это тот слуга, которого ему предлагают? Поглядев мне прямо в лицо, он обошёл вокруг меня, пожимая плечами. Его мордочка была настолько забавна, что зрители разразились громким хохотом. Все поняли, что генерал счёл меня сущим дураком, и таково же было впечатление зрителей.

Пьеса была именно так построена, чтобы подчеркнуть мою глупость со всех сторон. В каждой сцене я должен был совершать новую нелепость, тогда как Душка, наоборот, выказывал свой ум и ловкость.

После долгого осмотра генерал приказал мне накрыть стол к завтраку.

– Генерал думает, что после того как мальчик поест, он станет умнее, – объяснил Виталис. – Посмотрим!

Я сел за небольшой столик перед накрытым прибором с салфеткой, лежащей на тарелке.

Что делать с салфеткой? Я этого не знал и решил в неё высморкаться.

Генерал покатился со смеху, а Капи опрокинулся на спину, подняв лапы вверх, как бы сражённый моей глупостью. Видя свою оплошность, я снова принялся за салфетку. Тут мне пришла в голову мысль: я повязал салфетку на шею, как галстук. Опять смех генерала, снова возмущение Капи. В таком роде продолжалось и дальше; наконец генерал, выведенный из терпения, столкнул меня со стула, сам сел на моё место и съел завтрак, предназначавшийся мне.

Ах как ловко умел пользоваться салфеткой этот генерал! С каким изяществом заткнул он её за петлицу своего мундира и разложил на коленях! Как красиво ломал хлеб и пил из стакана! Но он вызвал настоящую бурю восторга, когда после завтрака попросил зубочистку и стал чистить ею зубы.

Аплодисменты загремели со всех сторон, и представление закончилось полным триумфом. Как умна обезьяна и как глуп слуга!

Возвращаясь в харчевню, Виталис именно так и сказал, но я уже настолько чувствовал себя актёром, что счёл это за похвалу.

Глава VII

Я учусь читать

Хотя артисты труппы синьора Виталиса были очень талантливы, но репертуар их был весьма однообразен, и после трёх-четырёх представлений приходилось повторять всё снова. Поэтому мы были вынуждены постоянно переходить с места на место.

Пробыв в Юсселе три дня, мы снова отправились в путь.

– Куда мы пойдём? – Я уже настолько освоился с Виталисом, что мог задать ему подобный вопрос.

– Ты разве знаешь страну? – спросил он.

– Нет.

– Тогда почему же ты меня спрашиваешь – куда?

– Ну а вы? Вы знаете эти края?

– Я тоже никогда здесь не был.

– Однако вы знаете, куда мы идём.

Виталис внимательно посмотрел на меня:

– Ты, по-видимому, не умеешь читать?

– Не умею.

– А ты знаешь, что такое книга?

– Да.

– В книге, которую я тебе покажу, когда мы сядем отдыхать, есть названия и описания тех мест и стран, где мы будем проходить. Люди, побывавшие или жившие в этих ме-

стах, написали в книге то, что они видели и знали о них. Поэтому мне стоит только открыть книгу и прочесть её, чтобы всё узнать. Я могу представить себе эти места так же хорошо, как если бы видел их собственными глазами.

Я рос дикарём, и слова Виталиса были для меня настоящим откровением. Хотя я и посещал школу, но моё учение продолжалось всего один месяц. За этот месяц я ни разу не держал в руках книгу, меня ничему не учили: ни читать, ни писать.

То, что я говорю, может показаться невероятным. Однако в то время, о котором я рассказываю, во многих деревнях Франции вовсе не было школ. А там, где они имелись, нередко встречались учителя, которые по той или иной причине ничему не учили детей. Они только присматривали за ними, считая это своей главной обязанностью. Так происходило и в нашей деревенской школе. Знал ли наш учитель сам что-нибудь? Вероятно, знал, я не хочу обвинять его в невежестве. Только за время моего пребывания в школе он не дал ни мне, ни моим товарищам ни одного урока. По профессии он был сапожник. С утра до вечера он изготавливал деревянные башмаки и работал так усердно, что вокруг него грудями лежали стружки букового и орехового дерева. Мы разговаривали только о погоде и о наших домашних делах. О чтении или арифметике не было и помину. Обучать нас этим предметам он поручил своей дочери-портнихе. Та поступала точно так же, как её отец. В то время как тот усердно работал рубан-

ком, она не менее усердно работала иглой.

Нас, учеников, было двенадцать человек, за каждого из нас платили по 50 сантимов, что составляло в месяц шесть франков. Прожить на эти гроши двоим было невозможно. То, чего не могла дать школа, приходилось возмещать шитьём платьев и изготовлением сабо. Неудивительно, что я ничему не научился в школе, даже не знал букв.

– А очень трудно выучиться читать? – спросил я у Виталиса после долгого размышления.

– Для того, у кого нет способностей и желания учиться, конечно, трудно. А ты понятлив?

– Не знаю, но думаю, что если вы станете меня учить, я буду учиться с охотой.

– Посмотрим! У нас много времени впереди.

«Много времени»! А почему не начать сейчас же? Мне казалось, что стоит только открыть книгу – и уже можно прочесть, что в ней написано.

На следующий день, во время пути, Виталис наклонился и поднял лежавший на дороге запылённый кусок доски.

– Вот книга, по которой ты будешь учиться читать, – объявил он мне.

Эта доска – книга? Я взглянул на него, думая, что он шутит. Но Виталис, по-видимому, говорил совершенно серьёзно, и я внимательно посмотрел на его находку. Это действительно была доска, обыкновенная гладкая доска из букового дерева длиной с человеческую руку, шириной в две ладони.

На ней не было ничего: ни надписи, ни рисунка.

– Вы смеётесь надо мной?

– Ничуть, мой мальчик. Насмехаться над человеком, который чего-нибудь не знает, нехорошо и глупо. Подожди, пока мы не дойдём до тех деревьев. Там мы сядем отдыхать, и ты увидишь, как я буду учить тебя читать при помощи этого кусочка дерева.

Мы скоро пришли к указанному месту и, положив на землю мешки, уселись на зелёную траву, в которой там и сям уже цвели маргаритки. Душку отвязали; он проворно взобрался на одно из деревьев и принялся трясти ветки, как бы стряхивая с них орехи. Собаки спокойно улеглись рядом с нами.

Тогда Виталис достал перочинный нож и вырезал из доски небольшую тонкую пластинку. Затем, обстругав пластинку с обеих сторон, он разрезал её на маленькие четырехугольники. Получилось двенадцать одинаковых плоских кусочков.

Я очень внимательно следил за ним, но, сознаюсь, не мог понять, как он сделает книгу из этих маленьких кусочков дерева. Несмотря на моё невежество, я всё же знал, что книга состоит из какого-то количества листов бумаги, на которых напечатаны чёрные знаки. А где же листы? Где эти чёрные знаки?

– На каждой стороне этих деревянных кусочков я вырежу завтра одну из букв алфавита, – сказал Виталис. – Таким образом ты научишься различать буквы. А когда будешь безошибочно узнавать их, ты сможешь составлять слова. На-

учившись составлять слова, ты сумеешь читать и книги.

Мои карманы были полны теперь маленькими деревянными кусочками, и скоро я знал все буквы алфавита. Но научиться читать было не так просто, и я не раз пожалел о том, что захотел учиться.

Прошло немало времени, прежде чем я смог читать по книге.

– Теперь ты умеешь читать, – сказал Виталис. – А хочешь научиться играть по нотам?

– Если я буду знать ноты, то смогу петь, как вы?

Виталис иногда пел. Он и не предполагал, что я с огромным наслаждением слушаю его пение.

– Ты хочешь петь так, как я?

– Конечно, не так: я прекрасно знаю, что это невозможно.

Но я хочу научиться петь.

– Тебе нравится моё пение?

– Очень. Соловей поёт чудесно, но, по-моему, вы поёте лучше. Слушая вас, я могу плакать, смеяться. А когда вы поёте что-нибудь грустное или нежное, я вспоминаю свою дорогую матушку и вижу её в нашем домике, хотя и не понимаю слов, потому что вы поёте по-итальянски.

Я посмотрел на него и увидел, что глаза его полны слёз. Тогда я спросил, не огорчили ли его мои слова.

– Нет, дорогой, – ответил он растроганным голосом, – ты не огорчаешь меня. Напротив, ты напоминаешь мне о моей юности, о прошедшем хорошем времени. Будь спокоен, я на-

учу тебя петь, а так как у тебя доброе сердце, ты тоже будешь заставлять людей плакать и радоваться, вот увидишь...

Он внезапно остановился, и я понял, что он не хочет больше говорить на эту тему. Почему? На этот вопрос я не мог найти ответа. Много позднее я узнал о причинах, заставлявших его молчать.

На следующий день Виталис сделал мне ноты так же, как он сделал азбуку, то есть вырезал их на маленьких деревянных квадратиках.

Разлиновав каждый квадратик на пять параллельных линий, он вырезал на одной стороне скрипичный ключ, а на другой басовый.

Когда всё было готово, начались уроки, и я должен сознаться, что они оказались ещё труднее, чем уроки грамоты. Не раз Виталис, всегда такой терпеливый с животными, приходил от меня в отчаяние.

– С животными я сдерживаюсь, потому что знаю, что это только животные, но ты способен уморить меня! – И, подняв руки к небу, он затем с силой хлопал себя по ляжкам.

Душка, любивший передразнивать всё, что ему казалось забавным, перенял этот жест, а так как он почти всегда присутствовал на моих уроках, то стоило мне запнуться, как он немедленно поднимал руки к небу и хлопал себя по ляжкам, подражая Виталису.

– Даже Душка смеётся над тобой! – восклицал Виталис.

Если бы я посмел, я бы возразил ему, что Душка смеётся

не только над учеником, но и над учителем. К счастью, какое-то смутное опасение и уважение к учителю удерживали меня от подобного замечания.

Наконец первые трудности были преодолены, и я смог пропеть сольфеджио⁷, написанное Виталисом на листке бумаги.

В этот день он не хлопал себя руками по ляжкам, но, ласково потрепав меня по щеке, объявил, что если я буду так стараться и дальше, то сделаюсь хорошим певцом.

Понятно, что наши уроки продолжались не один день. В течение многих недель и даже месяцев мои карманы были набиты маленькими деревянными квадратиками. К тому же Виталис мог заниматься со мной только в часы досуга. Много времени уходило на переходы; они были длиннее или короче в зависимости от того, как далеко отстояли друг от друга деревни. Нам нужно было давать представления там, где мы рассчитывали на хороший сбор; репетировать роли с собаками и Душкой; готовить себе еду, и только после всех этих дел можно было думать о чтении или музыке. Чаще всего наши занятия происходили во время привала, у подножия дерева или на куче камней. Обычно я раскладывал свои куочки дерева прямо на траве или на дороге.

И всё же я многому научился. Кроме того, я привык делать большие переходы, что было для меня не менее полезно, чем уроки Виталиса. Пока я жил у матушки Барберен, я

⁷ Сольфеджио – упражнение для пения по нотам.

был довольно слабым ребёнком. Но от бродячей жизни и постоянного пребывания на воздухе мои руки и ноги окрепли, лёгкие развились, кожа огрубела, и я легко переносил холод и жару, солнце и дождь, лишения и усталость. Такая закалка помогла мне противостоять жестоким ударам судьбы, которые неоднократно обрушивались на меня в продолжение всей моей юности.

Глава VIII

Суд

Однажды вечером мы пришли в город, расположенный на берегу реки. Его дома, большей частью довольно некрасивые, были выстроены из красного кирпича, а улицы вымощены маленькими острыми булыжниками, малопривлекательными для ног усталых путешественников. Виталис сказал мне, что город этот называется Тулуза и что проживём мы здесь долго.

Как обычно, мы прежде всего позаботились о том, чтобы найти подходящие места для наших представлений. Их оказалось достаточно, в особенности в той части города, которая находится по соседству с ботаническим садом. Там есть красивая лужайка, окружённая большими деревьями, и на эту лужайку выходит много бульваров. На одном из таких бульваров мы и расположились. Первое же представление собрало много зрителей.

К несчастью, стоявший на посту полицейский с явным неудовольствием встретил наше появление. Оттого ли, что он не любил собак, оттого ли, что мы нарушали порядок на его участке, но он приказал нам немедленно уйти отсюда.

Было бы, конечно, гораздо благоразумнее не связываться с полицейским и уступить ему. Однако Виталис, несмотря на своё скромное положение, был очень горд. Кроме того, он считал, что в его поступках нет ничего противозаконного, и потому отказался повиноваться полицейскому.

Когда Виталис хотел сдерживать свой гнев, он обращался с людьми с преувеличенной вежливостью.

– Может ли глубокоуважаемый представитель власти указать мне правило, запрещающее таким жалким комедиантам, как мы, заниматься своим ремеслом в общественном месте? – спросил Виталис, с низким поклоном снимая шляпу.

Полицейский ответил, что Виталис обязан его слушаться, а не рассуждать.

– Безусловно. И я обещаю подчиниться вашему приказанию немедленно, как только вы укажете, на основании каких постановлений вы их даёте.

В тот день полицейский повернулся и ушёл, а Виталис, со шляпой в руках, смиренно согнувшись, проводил его преувеличенно почтительным взглядом.

Но на следующий день полицейский снова подошёл к нам, перескочил через верёвки и накинулся на нас как раз в сере-

дине представления.

– Извольте надеть намордники на собак! – грубо крикнул он Виталису.

– Надеть намордники на моих собак?

– Существует такое постановление полиции, и вы обязаны его знать.

Мы только что начали пьесу, которая называлась «Больной принимает слабительное». Так как мы впервые исполняли эту пьесу в Тулузе, то зрители смотрели её с большим интересом.

Вмешательство полицейского вызвало недовольные восклицания:

– Не перебивайте! Дайте окончить представление!

Виталис жестом попросил всех замолчать.

Сняв свою фетровую шляпу и поклонившись так низко, что перья её коснулись земли, он подошёл к полицейскому:

– Я не ослышался? Почтеннейший представитель власти действительно приказал надеть намордники на моих артистов?

– Да, наденьте намордники на собак, и как можно скорее.

– Надеть намордники на Капи, Зербино и Дольче! – воскликнул Виталис, больше обращаясь к публике, чем к полицейскому. – Но что думает ваша милость! Как может всемирно известный врач Капи лечить больного, если на нём будет намордник? Позвольте обратить ваше внимание, синьор, что больной принимает лекарство через рот. Иного способа

доктор Капи никогда не решился бы применить перед такой изысканной публикой.

При этих словах раздался взрыв сильнейшего хохота.

Было ясно, что зрители одобряли поведение Виталиса.

Смеялись над полицейским, в особенности потешались над Душкой, который гримасничал за спиной у «представителя власти», скрестив, как тот, руки, упершись кулаком в бок и откидывая назад голову с выражением и жестами поистине уморительными.

Раздосадованный речью Виталиса и смехом зрителей, полицейский резко обернулся. Тут он увидел обезьяну, которая явно его передразнивала. Несколько секунд человек и животное смотрели в упор друг на друга, словно выжидая, кто из них первым опустит глаза. Новый взрыв смеха прекратил эту сцену.

– Если завтра ваши собаки не будут в намордниках, – закричал полицейский, угрожая нам кулаком, – я подам на вас в суд!

– До завтра, синьор, – сказал Виталис. – До завтра.

Я думал, что Виталис купит намордники для собак, но он этого не сделал и вечером ничего не говорил о своём столкновении с полицейским.

Тогда я сам решился напомнить ему об этом:

– Чтобы Капи не скинул завтра во время представления намордник, надо приучить его к нему заранее.

– Неужели ты думаешь, что я надену на Капи железный

намордник?

– Но ведь полицейский не отстанет от нас.

– Не беспокойся. Я устрою так, что полицейский ничего не сможет нам сделать и в то же время мои питомцы не пострадают. К тому же пускай публика немного потешится. Благодаря полицейскому у нас будет хорошая выручка. Он, сам того не зная, тоже будет участвовать в пьесе и сыграет комическую роль, которую я для него приготовил. Это внесёт некоторое разнообразие в наш репертуар. Ты отправишься завтра на площадку один и возьмёшь с собой Душку. Протянешь верёвки и сыграешь несколько песенок, а когда соберётся достаточно народу и придёт полицейский, появлюсь я с собаками. Тут-то и начнётся потеха.

Я был на этот счёт другого мнения. Мне совсем не хотелось идти без хозяина и одному готовиться к нашему представлению. Но, зная характер синьора Виталиса, я понимал, что возражать бесполезно. Он ни за что не откажется от своего намерения разыграть задуманную им сценку.

На следующее утро я отправился на наше обычное место один и быстро протянул верёвки. Едва я сыграл несколько тактов, как со всех сторон сбежались зрители и стали плотной стеной вокруг отгороженного мной пространства.

В последнее время Виталис стал учить меня играть на арфе, и я уже недурно исполнял несколько вещей. Одну неаполитанскую песенку я пел, аккомпанируя себе на арфе, и она всегда нравилась слушателям.

Я уже чувствовал себя настоящим артистом и нередко приписывал успех нашей труппы своему таланту. Но сегодня я прекрасно понимал, что люди собрались совсем не для того, чтобы слушать моё пение. Присутствовавшие накануне при столкновении с полицейским явились снова и привели с собой своих друзей. В Тулузе не очень-то любят полицию, и всех разбирало любопытство узнать, как старый итальянец выпутается из вчерашней истории. Хотя Виталис сказал только: «До завтра, синьор», – все отлично поняли, что предстоящее представление будет интересным зрелищем, где можно будет посмеяться над придиричивым и злым полицейским. Многие зрители, увидев меня с Душкой, были заметно разочарованы и без конца спрашивали меня: «Придёт ли старый итальянец?»

– Он скоро будет, – отвечал я и продолжал петь дальше.

Но первым явился не хозяин, а полицейский. Душка тотчас же заметил его. Тогда, подражая полицейскому, он, упершись рукой в бок и откинув назад голову, стал прогуливаться взад и вперёд с надменным видом и уморительной осанкой.

Зрители разразились смехом и аплодисментами. Полицейский растерялся и бросил на меня яростный взгляд. Разумеется, это удвоило восторг присутствовавших.

Я был сильно обеспокоен. Чем всё это кончится? Что ответить полицейскому, если он обратится ко мне?

Полицейский, по-видимому, был страшно разозлён. Он расхаживал вдоль верёвок и так свирепо поглядывал на ме-

ня, что я стал опасаться дурной развязки. Душка, не понимавший серьёзности нашего положения, потешался над полицейским. Он тоже прогуливался вдоль верёвок, но с внутренней стороны отгороженного пространства, и так забавно передразнивал полицейского, что смех зрителей не прекращался.

Не желая выводить полицейского из себя, я позвал Душку. Но тот не послушался и бросился от меня прочь, а когда я захотел его схватить, вырвался из моих рук.

Не знаю, как это случилось, но, очевидно, полицейский, ослеплённый гневом, вообразил, что я подстрекаю обезьяну, и быстро перескочил через верёвку. В два прыжка он очутился возле меня и пощёчиной сшиб меня с ног.

Когда я поднялся, Виталис, который вырос точно из-под земли, стоял между нами и держал полицейского за руку.

– Как вы смеете бить ребёнка! – воскликнул он. – Это низость!

Полицейский хотел освободиться, но Виталис крепко держал его за руку. В продолжение нескольких секунд оба в упор смотрели друг на друга. Полицейский был вне себя от бешенства. Виталис был прекрасен. Он высоко поднял свою красивую седую голову; лицо его выражало возмущение и пылало гневом.

Мне казалось, что от одного его вида полицейский должен провалиться сквозь землю, но ничего подобного не случилось: резким движением он вырвал свою руку, схватил Ви-

талиса за шиворот и грубо толкнул его.

Возмущённый Виталис выпрямился и, желая освободиться, сильно ударил полицейского по руке.

– Чего вы хотите от нас? – спросил Виталис.

– Я должен вас арестовать. Идёмте в полицию!

– Разве для этого необходимо бить ребёнка? – возмущённо сказал Виталис.

– Молчать! Ступайте за мной!

Виталис вновь обрёл своё хладнокровие; он ничего не возразил и, повернувшись ко мне, сказал:

– Иди в харчевню и оставайся там с собаками. Я сообщу тебе о дальнейшем.

Он не мог продолжать, так как полицейский грубо потащил его за собой.

Я вернулся на постоянный двор огорчённый и сильно обеспокоенный.

Уже давно прошло то время, когда Виталис внушал мне страх. Я искренне привязался к нему, и моя привязанность возрастала с каждым днём. Мы не только с утра до вечера были вместе, но иногда не расставались и ночью, так как часто спали рядом на соломе. Родной отец не мог бы больше заботиться о своём ребёнке, чем он заботился обо мне. Виталис выучил меня читать, писать, считать, петь. В холодные дни отдавал мне свои одеяла, в жару помогал нести вещи, которыми я был нагружен. За столом или, точнее говоря, во время еды, потому что мы не часто обедали за столом, Ви-

талис никогда не выбирал себе лучшие куски, а всегда делил поровну плохие и хорошие. Правда, иногда он драл меня за ухо или давал подзатыльник, но я на это не обижался, так как всегда помнил его заботу, добрые слова и трогательное внимание. Словом, он любил меня, а я любил его.

Разлука сильно огорчила меня. Что я буду без него делать? Как и чем жить?

Виталис обыкновенно носил деньги при себе, и при уходе у него не было времени передать их мне. У меня в кармане оставалось всего несколько мелких монет. Ясно, что на них я не могу прокормить всех: Душку, собак, себя.

Я провёл два дня в ужасной тревоге, не смея никуда уйти со двора харчевни. Наконец на третий день какой-то человек принёс мне письмо от Виталиса.

Он писал, что находится в тюрьме и в ближайшую субботу предстанет перед судом по обвинению в сопротивлении власти и оскорблении полицейского. «Дав волю своему гневу, я сделал большую ошибку, за которую придётся, вероятно, дорого расплатиться. Приходи на суд, это послужит тебе хорошим уроком». Затем шли советы о том, как мне следует вести себя. В заключение он обнимал меня и просил приласкать за него Капи, Душку, Дольче и Зербино.

Я узнал, что судебное заседание начинается в десять часов утра. В субботу с девяти часов я уже стоял у дверей суда и первым проник в зал. Постепенно зал наполнился людьми, и я увидел нескольких человек, присутствовавших во время

нашего столкновения с полицейским.

Я понятия не имел о том, что такое суд, но инстинктивно питал к нему непреодолимое отвращение. Хотя судился не я, а Виталис, мне казалось, что и мне тоже угрожает опасность. Я спрятался за большую печку и, прижавшись к стене, съёжился, насколько было возможно.

Сначала судили каких-то посторонних людей: одних за кражу, других за драку, причём все они не признавали себя виновными, но все были осуждены. Наконец на скамью подсудимых между двумя жандармами сел Виталис.

Что говорилось, о чём его спрашивали и что он отвечал – не помню. Я был слишком взволнован, чтобы слушать и понимать. Впрочем, я и не думал слушать, а только смотрел. Я смотрел на хозяина, который стоял, откинув назад свои длинные седые волосы, пристыженный и удручённый. Я смотрел на судью, который его допрашивал.

– Итак, – говорил судья, – вы сознаётесь в том, что нанесли удары полицейскому, который вас задержал?

– Не удары, господин председатель, а один удар, для того только, чтобы освободиться. Подходя к месту, где должно было состояться наше представление, я увидел, как полицейский дал пощёчину мальчику из моей труппы.

– Но это не ваш ребёнок?

– Да, не мой, господин председатель, но я люблю его, как сына. Когда я увидел, что полицейский ударил мальчика, я был возмущён и схватил его за руку, боясь, как бы он не уда-

рил ребёнка вторично.

– Но вы сами ударили полицейского.

– Полицейский взял меня за шиворот, и я инстинктивно, желая освободиться, ударил его.

– В вашем возрасте нельзя давать волю своим чувствам.

– Верно, но, к несчастью, не всегда поступаешь так, как нужно.

– Выслушаем полицейского.

Тот рассказал о случившемся, напирая больше всего на насмешки, а не на полученный им Удар.

Во время его показаний Виталис смотрел по сторонам. Я понял, что он ищет меня. Тогда я решил выбраться из своего убежища и, проскользнув среди любопытных, пробрался в первый ряд.

Он увидел меня, и его грустное лицо просветлело. Я почувствовал, что он рад видеть меня, и мои глаза невольно наполнились слезами.

– Больше ничего вы не можете сказать в своё оправдание? – обратился к нему судья.

– Нет, и для себя лично я ничего не прошу. Но ради ребёнка, которого я нежно люблю и который теперь остаётся один, я прошу суд о снисхождении и о том, чтобы нас разлучили на возможно меньший срок.

Я был убеждён, что Виталиса освободят. Но этого не случилось.

Другой судейский чиновник говорил в продолжение

нескольких минут. Затем председатель строгим голосом объявил, что человек, именующий себя Виталисом, обвиняется в оскорблении полицейского словами и действием и приговаривается к двум месяцам тюрьмы и ста франкам штрафа.

Два месяца тюрьмы!

Сквозь слёзы я видел, как закрылась дверь, через которую жандарм увёл Виталиса.

Глава IX

Я остаюсь один

Когда я, глубоко опечаленный, с покрасневшими от слёз глазами, вернулся на постоялый двор, меня остановил у ворот трактирщик:

– Ну, как твой хозяин?

– Осуждён.

– На сколько?

– На два месяца тюрьмы.

– А какой штраф?

– Сто франков.

– Два месяца, сто франков... – повторил он несколько раз.

Я хотел идти, но он снова удержал меня:

– Хорошо, а что ты теперь будешь делать?

– Не знаю.

– Надеюсь, у тебя есть деньги на то, чтобы прокормить

себя и животных?

– Нет.

– Значит, ты рассчитываешь жить у меня?

– Нет, я ни на кого не рассчитываю.

– В этом ты прав, – продолжал трактирщик. – Твой хозяин и так уже задолжал мне немало. Я не могу содержать тебя целых два месяца, не зная, сможет ли он расплатиться. Тебе придётся отсюда уйти.

– Уйти? Но куда же?

– Это меня не касается. Я тебе не отец и не хозяин.

На мгновение я остолбенел. Но потом решил, что он прав, – с какой стати ему заботиться обо мне!

– Итак, забирай собак, обезьяну и катись! Но мешок твоего хозяина ты мне, конечно, оставишь. После тюрьмы он явится за ним, и мы рассчитаемся.

– Раз вы уверены в том, что хозяин, вернувшись, отдаст вам долг, то позвольте мне остаться до его прихода! Он заплатит вам за моё содержание.

– Ты так полагаешь, голубчик? Но одно дело заплатить за несколько дней, а другое – платить за два месяца.

– Я постараюсь есть как можно меньше.

– А животные? Нет, уходи! Ты сможешь прокормиться и заработать, давая представления по деревням.

– Но как же хозяин найдёт меня по выходе из тюрьмы?

– Послушай, ты мне надоел! Убирайся прочь, и как можно скорее! Даю тебе пять минут на сборы. Если я вернусь во

двор и увижу, что ты ещё здесь, тебе не поздоровится.

Я прекрасно чувствовал, что настаивать бесполезно.

Войдя в конюшню, я отвязал собак и Душку, взял свой мешок и, повесив арфу на плечо, вышел из харчевни. Трактирщик, стоя у ворот, наблюдал за мной.

– Если тебе будет письмо, – закричал он, – я его сохранию!

Я спешил уйти из города, так как у моих собак не было намордников. Что я скажу, если встречу полицейского? Что у меня нет денег на покупку намордников? И действительно, в кармане у меня оставалось всего несколько жалких монет. А вдруг он арестует и меня? Виталис в тюрьме, я тоже, что станется с собаками и Душкой? Теперь я был хозяином трупы, главой семьи и сознавал всю лежавшую на мне ответственность.

Собаки быстро бежали вперёд, но время от времени они поднимали головы и жалобно смотрели на меня. Я понимал, что они голодны. Душка, сидевший у меня на мешке, то и дело хватал меня за ухо, заставляя обернуться к нему; тогда он начинал выразительно тереть свой живот. Я и сам был страшно голоден. Но на имевшиеся у нас деньги мы могли поесть только один раз, и я считал, что благоразумнее сделать это попозже.

Мы шли уже около двух часов, а я всё ещё боялся остановиться. Собаки бросали на меня всё более умоляющие взгляды, а Душка всё чаще дёргал меня за ухо и всё сильнее тёр живот.

Наконец я решил, что мы достаточно далеко отошли от Тулузы и можем теперь не бояться полицейского.

Войдя в первую попавшуюся булочную, я попросил отвесить полтора фунта хлеба.

– Вот хороший хлеб, здесь ровно два фунта, – сказала булочница. – Для вашего зверинца это немного. Их надо накормить, бедных зверюшек!

Конечно, для нас это было немного, но если бы я купил два фунта, то от моих денег ничего не осталось бы на завтра. Быстро сделав в уме подсчёт, я сказал булочнице, что мне вполне достаточно полутора фунтов хлеба и я прошу её не отрезать мне больше.

– Хорошо, хорошо, – ответила она.

От чудесного шестифунтового хлеба, который мы прекрасно съели бы целиком, она отрезала требуемое мной количество и положила его на весы, слегка подтолкнув их.

– Здесь на два сантимата больше, – заметила она и бросила в ящик мои деньги.

Я нередко встречал людей, которые не брали сдачу мелкими деньгами, говоря, что они им не нужны. Но для меня эти два сантимата имели огромное значение, и я ни за что бы от них не отказался.

Однако я не посмел потребовать их обратно и молча вышел из булочной. Собаки, увидя хлеб, радостно запрыгали, а Душка повизгивал и дёргал меня за волосы. Мы не пошли далеко.

У первого попавшегося по дороге дерева я прислонил арфу к стволу и растянулся на траве. Собаки уселись передо мной: Капи – посередине, Дольче – с одной стороны, Зербино – с другой. Только Душка, менее утомлённый, чем все, стоял, готовясь стянуть тот кусок, который ему понравится.

Разделить краюху хлеба было делом нелёгким. Я разрезал её на пять по возможности равных частей и раздавал их маленькими ломтиками. Каждый по очереди получал свой кусок. Душка, которому требовалось меньше, чем нам, быстро насытился. Тогда я спрятал три куса из его доли в мешок, решив отдать их позже собакам.

После небольшого отдыха я дал сигнал к отправлению. Теперь нам во что бы то ни стало нужно было заработать на еду для следующего дня.

Приблизительно через час мы пришли в деревушку, которая казалась вполне подходящей для выполнения моих планов.

Я одел своих артистов для представления, и мы в полном порядке вошли в деревню. К несчастью, с нами не было Виталиса с флейтой. Обычно его представительная фигура привлекала к себе все взгляды. Я был мал, худ, и на моём лице отражались беспокойство и неуверенность.

Во время нашего шествия я смотрел по сторонам, желая видеть, какое впечатление мы производим. Увы, люди смотрели на нас, но за нами никто не последовал.

Придя на небольшую площадь, посреди которой находился фонтан, осенённый тенью платанов, я взял арфу и заиграл вальс. Музыка была весёлая, пальцы мои легко бегали по струнам, но на сердце было тяжело и нерадостно.

Я приказал Зербино и Дольче протанцевать вальс. Они послушно принялись кружиться в такт.

Несколько женщин вязали и разговаривали между собой, сидя у порогов своих жилищ, но никто из них не двинулся, чтобы подойти к нам. Я продолжал играть, Зербино и Дольче продолжали танцевать.

Вдруг один маленький ребёнок, такой крошечный, что он едва мог ходить, отошёл от своего дома и направился к нам. Я стал играть тише, чтобы не напугать, а, наоборот, привлечь его.

Протянув ручки и покачиваясь, ребёнок медленно приближался. Через несколько шагов он очутился возле нас. Его мать подняла голову и с испугом увидела, что его нет рядом. Но вместо того чтобы подбежать к нему, на что я надеялся, она позвала его, и малыш послушно вернулся обратно.

Быть может, местные жители не любят танцев? Я приказал Зербино и Дольче лечь и запел мою неаполитанскую песенку. Никогда, вероятно, я не исполнял её с таким старанием.

Я начал петь второй куплет, когда заметил человека в куртке и фетровой шляпе, который быстрыми шагами направлялся к нам.

Наконец-то! Я запел с ещё большим одушевлением.

– Эй, – закричал он, – что ты тут делаешь, негодяй?

Я замолчал, ошеломлённый таким обращением.

– Ответишь ли ты мне, наконец? – заорал он.

– Пою, сударь.

– А есть у тебя разрешение петь на площади нашего округа?

– Нет, сударь.

– Тогда уходи прочь, пока я не забрал тебя.

– Но, сударь...

– Изволь называть меня сельским стражником и убирайся вон, скверный попрошайка!

Сельский стражник! На опыте моего хозяина я уже знал, что нельзя противоречить ни полицейским, ни сельским стражникам.

Я круто повернулся и быстро пошёл по той дороге, откуда пришёл. Попрошайка! Это неверно: я не просил милостыни. Я пел, танцевал – зарабатывал свой хлеб. Разве я делал что-нибудь дурное?

Через пять минут я уже вышел из этой малогостеприимной, но хорошо охраняемой деревни. Собаки бежали за мной, печально опустив головы, понимая, очевидно, что нас постигла неудача.

– Теперь придётся ночевать под открытым небом и без ужина, – обратился я к ним.

При упоминании об ужине раздалось общее ворчание. Я показал им оставшиеся у меня деньги.

– Вот всё, что у меня осталось. Если мы истратим эти деньги сегодня вечером, нам не на что будет поесть завтра утром. А так как сегодня мы уже ели, благоразумнее подумать о завтрашнем дне. – И я положил деньги обратно в карман.

Капи и Дольче молча наклонили головы, но Зербино, который был не очень послушным, продолжал ворчать.

Решив таким образом вопрос о еде, я должен был теперь позаботиться о ночлеге. К счастью, погода стояла прекрасная, и спать под открытым небом было даже приятно. Надо только найти такое место, где бы можно было спрятаться от волков, если они водятся в этой местности, и от сельских стражников. Последних я боялся гораздо больше, чем волков.

Дорога тянулась бесконечно. Последние лучи заходящего солнца исчезли, а мы всё ещё не находили ночлега.

Теперь мы шли в большом лесу, который там и сям перемежался прогалинами. Посреди этих прогалин возвышались гранитные глыбы. Место было печальное и заброшенное, но я подумал, что эти глыбы гранита могут послужить нам на пользу и защитить от ночного холода. Свернув с дороги, я стал пробираться среди камней. Вскоре я увидел большую гранитную глыбу, образующую как бы пещеру. Ветер нанёс туда много сухих сосновых игл. Ни о чём лучшем мы не могли и мечтать. У нас была постель, где мы могли растянуться, и крыша, которая нас укрывала. Не хватало только куска

хлеба на ужин. Но об этом следовало забыть.

Прежде чем лечь, я приказал Капи сторожить нас. И верный пёс остался снаружи, на посту часового. Я мог спать совершенно спокойно: Капи предупредит, если кто-нибудь подойдёт к нам близко.

Я завернул в свою куртку Душку и растянулся на ложе из сухих игл; Зербино и Дольче свернулись у моих ног. Но заснуть я не мог: беспокойство моё было сильнее усталости.

Первый день нашего путешествия был весьма неудачен. Каков-то будет завтрашний? У меня оставалось всего-навсего три су. Как я прокормлю животных и себя, если не смогу давать представления? Намордники, разрешение петь, откуда я их возьму? Неужели нам придётся умереть с голоду где-нибудь в лесу, под кустом?

Размышляя обо всём этом, я смотрел на звёзды, которые сверкали в тёмном небе. Стояла полная тишина: ни шелеста листьев, ни крика птиц, ни скрипа повозки на дороге. Как я был одинок и заброшен! Глаза мои наполнились слезами, и я горько заплакал. Милая матушка Барберен! Бедный Виталис!

Вдруг я почувствовал на своих волосах лёгкое дыхание, влажный и тёплый язык лизнул меня в лицо. Это был Капи. Услышав, что я плачу, он пришёл утешить меня. Тогда я крепко поцеловал его мордочку. Он жалобно заскулил, и мне показалось, что он плачет вместе со мной.

Глава X

Плавающий домик

Когда я проснулся, было уже поздно. Птицы щебетали в листве. Где-то вдали звонил церковный колокол. Солнце высоко стояло в небе. Его горячие, живительные лучи согревали и тело и Душу.

Быстро приведя себя в порядок, мы направились в ту сторону, откуда слышались звуки колокола. Там находилась деревня, там несомненно была и булочная. Когда ложишься спать без обеда и ужина, голод даёт о себе знать спозаранку. Я решил: истрачу последние деньги, а там видно будет.

Мне не пришлось спрашивать, где находится булочная. Моё обоняние стало почти таким же тонким, как у собак, и я издали почувствовал вкусный запах горячего хлеба. Завтрак мы съели мгновенно, так как каждому досталось только по очень маленькому кусочку. Ведь на наши деньги мы не могли купить даже одного фунта хлеба.

Теперь нужно было подумать о заработке. Я пошёл по деревне в поисках подходящего места для представления, приглядываясь к людям, стараясь угадать, как они отнесутся к нам.

Я не собирался устраивать представление тотчас же: было слишком рано; но я хотел подыскать удобную площадку и вернуться сюда среди дня. Я был всецело поглощён

этой мыслью, как вдруг услышал позади себя громкий крик. Быстро обернувшись, я увидел, что Зербино удирает от какой-то старухи. Воспользовавшись тем, что я не обращал на него внимания, он вбежал в чужой дом и стащил кусок мяса.

– Держите вора! – кричала старуха. – Держите его, держите их всех!

Чувствуя себя в известной мере виновным за поступок моей собаки, я бросился бежать. Что я буду делать, если старуха потребует от меня деньги за украденное мясо? Платить мне нечем, и меня могут задержать. Капи и Дольче не отставали от меня, а Душка, сидевший на моём плече, крепко вцепился мне в шею, чтобы не упасть. Нас, вероятно, не догнали бы, но могли остановить идущие навстречу люди. К счастью, на нашем пути попала поперечная улочка. Я кинулся туда, и мы помчались со всех ног, пока не очутились в открытом поле. Я остановился только тогда, когда мне уже нечем было дышать. Мы пробежали не меньше двух километров. Я оглянулся: сзади никого не было. Капи и Дольче бежали следом за мной, а Зербино отстал, по-видимому, для того, чтобы съесть украденный кусок мяса.

Я позвал его. Но он, отлично понимая свою вину, бросился от меня прочь. Я должен был строго наказать Зербино, иначе и другие собаки могли последовать его примеру. Но как заставить его вернуться? Пришлось обратиться за помощью к Капи.

– Приведи ко мне Зербино! – приказал я ему.

Капи послушно отправился выполнять моё приказание. В ожидании собак я решил передохнуть и собраться с мыслями. К тому же местечко, где я остановился, как нельзя лучше располагало к отдыху.

Совершенно неожиданно мы очутились на берегу Южного канала. Вода, зелёные деревья, свежая трава, маленький ручеёк, вытекающий из расселины скалы, заросшей цветущими растениями, – всё радовало глаз, и ждать здесь возвращения собак было чудесно.

Однако прошёл час, а собаки не появлялись. Я начал уже беспокоиться. Наконец прибежал Капи, один, с опущенной головой.

– А где же Зербино?

Капи с виноватым видом улёгся у моих ног, и тут я заметил, что одно ухо его окровавлено. Значит, Зербино не послушался. Приходилось ждать, когда он добровольно явится с повинной.

Я растянулся под деревом и привязал Душку, опасаясь, как бы ему не вздумалось последовать за Зербино. Капи и Дольче легли возле меня.

Время шло. Зербино не показывался, и я незаметно для себя уснул.

Когда я проснулся, солнце стояло высоко над моей головой. Но, и не глядя на солнце, я знал, что уже поздно и прошло много времени с тех пор, как я съел последний кусок хлеба. Видно было, что собаки и Душка тоже очень проголо-

дались. Капи и Дольче сидели с унылым видом, Душка гримасничал. А Зербино так и не появлялся.

Я его звал, свистел, но он не шёл. Хорошо позавтракав, он спокойно спал где-нибудь под кустом.

Положение моё становилось критическим: если я уйду, он может потеряться и не найти нас; если останусь ждать, то не смогу ничего заработать нам на пропитание. А голод давал себя чувствовать всё сильнее и сильнее. Собаки в отчаянии не сводили с меня глаз, Душка тёр живот и недовольно ворчал.

Быть может, животным станет легче, если я сыграю что-нибудь весёлое? Во всяком случае, если я буду играть, а собаки и Душка – танцевать, то время пройдёт быстрее.

Я взял арфу и, став спиной к каналу, заиграл вальс. Сначала мои актёры, по-видимому, совсем не были расположены к танцам: кусок хлеба их устроил бы больше, но мало-помалу они оживились, музыка начала производить надлежащее действие, они забыли о голоде. Я играл, а собаки танцевали.

– Bravo! – внезапно раздался позади меня звонкий детский голос.

Я быстро обернулся и увидел небольшую баржу, которую тянули на буксире две лошади, находившиеся на противоположном берегу. Такой странной баржи я ещё никогда не встречал. Она была гораздо короче тех, которые обычно плавают по каналам, а на её палубе находилась веранда, увитая вьющимися растениями. На веранде стояла молодая женщи-

на с красивым, но печальным лицом, а возле неё лежал мальчик моих лет. Очевидно, это он и крикнул «браво».

Оправившись от изумления и решив, что здесь мне как будто ничто не угрожает, я приподнял шляпу, чтобы поблагодарить за аплодисменты.

– Вы играете для собственного удовольствия? – спросила меня молодая женщина; она говорила с иностранным акцентом.

– Мои артисты должны ежедневно упражняться, а кроме того, я хотел немного развлечься.

Мальчик сделал знак, и дама нагнулась к нему.

– Не сыграете ли вы ещё что-нибудь? – спросила она меня, подняв голову.

Разве я мог отказаться сыграть для публики, так кстати появившейся?

– Что вам угодно: танец или комедию?

– Конечно, комедию! – закричал мальчик.

Но дама перебила его, сказав, что предпочитает танец.

– Танец – это будет слишком коротко, – возразил мальчик.

– После танца мы можем, если пожелает почтеннейшая публика, показать различные фокусы, которые исполняют в лучших цирках Парижа.

Так говорил Виталис, и я старался произнести эти слова с не меньшим достоинством, чем он.

Как хорошо, что они отказались от комедии! Мне было бы очень трудно устроить представление без Зербино, к тому же

у меня не было необходимых вещей и костюмов.

Я снова взял арфу и заиграл вальс. Тотчас же Капи обнял лапками Дольче, и они принялись кружиться. Затем Душка протанцевал один. После этого мы показали все свои фокусы и совсем забыли об усталости. Мои артисты, очевидно, поняли, что за свои труды они получают обед, и не щадили сил, так же как я не щадил себя.

Во время одного из номеров неожиданно вылез из-за куста Зербино. Когда его товарищи поравнялись с ним, он как ни в чём не бывало стал на своё обычное место и начал исполнять свою роль.

Играя на арфе и наблюдая за моими артистами, я в то же время поглядывал на мальчика. Меня удивляло, что он совсем не двигается, хотя ему, по-видимому, очень нравилось наше представление. Он лежал вытянувшись неподвижно, поднимая только руки, чтобы нам аплодировать. Казалось, он был привязан к доске, на которой лежал.

Ветер незаметно пригнал баржу к нашему берегу, и я мог теперь хорошо его разглядеть.

У мальчика были светлые волосы и такое бледное личико, что сквозь тонкую кожу на лбу просвечивали голубые жилки. Выражение его лица было болезненным, кротким и грустным.

– Сколько мы должны заплатить за представление? – спросила меня молодая женщина.

– Это зависит от того, насколько вам понравилось наше

представление.

– Тогда, мама, нужно заплатить очень дорого, – заявил мальчик.

Потом он добавил ещё несколько слов на непонятном мне языке.

– Артур хочет поближе посмотреть на ваших артистов, – обратилась ко мне молодая женщина.

Я сделал знак Капп, и он прыгнул на палубу.

– А другие? – закричал Артур.

Зербино и Дольче последовали за своим товарищем.

– А обезьянка?

Но я не решился пустить туда Душку: я не был уверен в нём. Я боялся, что, очутившись на палубе, он начнёт выкидывать такие штучки, которые могут не понравиться молодой женщине.

– Разве ваша обезьянка злая? – спросила она.

– Нет, но Душка большой проказник, и я боюсь, что он будет себя плохо вести.

– Тогда идите с ним вместе.

При этих словах она сделала знак человеку, который стоял у руля, и тот, пройдя на нос баржи, перебросил на берег мостки.

Теперь я мог, взяв арфу на плечо и Душку на руки, спокойно войти на палубу.

– Обезьянка, обезьянка! – закричал Артур.

Я подошёл к мальчику, и, пока он гладил и ласкал Душку,

я внимательно его рассматривал.

Удивительное дело! Он на самом деле был привязан к доске.

– У тебя есть отец, дитя моё? – спросила меня молодая женщина.

– Да, но в настоящий момент я остался один.

– Надолго?

– На два месяца.

– Бедный мальчик! Как же ты проживёшь один целых два месяца?

Я рассказал ей о том, как Виталиса посадили в тюрьму за то, что он заступился за меня, и как с тех пор я не заработал ни одного су.

Во время моего рассказа Артур играл с собаками, но он всё слышал.

– Вы, должно быть, страшно голодны! – воскликнул он.

Услыхав его слова, собаки принялись лаять, а Душка начал яростно тереть живот.

– Мама!.. – сказал Артур.

Мать поняла его просьбу. Она произнесла несколько фраз на непонятном мне языке, и женщина, которая смотрела на нас в полуоткрытую дверь, тотчас же принесла маленький накрытый столик.

– Садись, дитя моё, – обратилась ко мне молодая дама.

Я не заставил просить себя дважды, положил арфу и живо сел за стол. Собаки уселись вокруг меня, а Душка вскараб-

кался ко мне на колени.

– А твои собачки едят хлеб? – спросил меня Артур.

Едят ли они хлеб! Я дал каждой из них по кусочку, и они с жадностью проглотили его.

– А обезьянка?

Но Душка уже сам о себе позаботился. В то время как я кормил собак, он схватил кусок пирога, которым и давился теперь под столом. Я тоже взял ломоть хлеба и если не давился им, как Душка, то ел его с не меньшей жадностью.

Артур молча смотрел на нас во все глаза, поражённый нашим аппетитом.

– А где бы вы сегодня обедали, если бы не встретились с нами? – спросил Артур.

– Вероятно, мы не обедали бы вовсе.

– А завтра где вы будете обедать?

– Возможно, нам удастся завтра что-нибудь заработать.

Артур прекратил вопросы и повернулся к матери. Между ними начался длинный разговор на том же непонятном мне языке.

Казалось, он просил её о чём-то, на что она не хотела согласиться или против чего имела какие-то возражения. Вдруг Артур снова повернул ко мне голову.

– Хочешь остаться у нас? – спросил он.

Я молча смотрел на него. Такого вопроса я не ожидал.

– Мой сын спрашивает, хочешь ли ты остаться здесь?

– На барже?

– Да. Артур болен, врачи велели ему лежать неподвижно на доске. Для того чтобы он не скучал, я устроила ему эту поездку. Оставайся с нами. Собаки и обезьянка будут давать представления, а ты будешь играть нам на арфе. Мальчику твоих лет не так-то легко заработать деньги.

Я быстро сообразил, каким спасением было для меня это неожиданное приглашение, и, взяв руку молодой женщины, с благодарностью поцеловал её.

Она, видимо, была этим тронута и нежно погладила меня по голове.

– Бедняжка! – прошептала она.

Так как меня просили играть на арфе, то мне казалось, что я должен немедленно выполнить их желание. Я взял инструмент, сел на носу баржи и заиграл. В это время женщина поднесла к губам маленький серебряный свисток. Раздался резкий свист. Я тотчас же перестал играть, не понимая, в чём дело.

Артур, замечавший всё, что делалось вокруг, понял причину моего беспокойства.

– Мама свистела для того, чтобы дать знать рулевому, – объяснил он мне.

И в самом деле, баржа отошла от берега и тихо поплыла по каналу. Вода плескалась о корму, а деревья по обоим берегам реки быстро бежали мимо, освещённые косыми лучами заходящего солнца.

– Сыграй ещё что-нибудь, – попросил Артур.

Кивком головы он подозвал к себе мать и всё время держал её за руку, пока я играл различные вещицы, которым обучил меня Виталис.

Глава XI

Мой первый друг

Госпожа Миллиган, мать Артура, была англичанка. Сначала я думал, что Артур был её единственным сыном, но позднее узнал, что у неё был ещё старший сын, который пропал несколько лет назад при весьма загадочных обстоятельствах.

В то время муж госпожи Миллиган был при смерти, а сама она, тяжело больная, лежала без сознания. Потому розыски ребёнка взял на себя брат её мужа – Джеймс Миллиган. Выбор этот был неудачен, так как Джеймс Миллиган вовсе не был заинтересован в том, чтобы пропавший ребёнок нашёлся. По английским законам, Джеймс Миллиган наследовал титул и состояние своего брата в том случае, если тот умирал бездетным. Однако Джеймсу Миллигану не удалось получить ожидаемое наследство, так как вскоре у госпожи Миллиган родился второй сын – Артур. Правда, этот ребёнок был таким слабым, что врачи считали его недолговечным. Он мог умереть в любой момент, и тогда Джеймс Миллиган стал бы наследником состояния своего старшего брата. Джеймс Миллиган был уверен, что рано или поздно его

надежды сбудутся, надо только терпеливо ждать. И он выжидал.

Однако предсказания врачей не оправдались: заботы и уход матери спасли жизнь Артуру. Хотя мальчик постоянно болел и врачи неоднократно приговаривали его к смерти, он каждый раз выздоравливал.

В последнее время у Артура развилась новая тяжёлая болезнь – туберкулёз бедра. Врачи предписали ему лежать неподвижно. Тогда госпожа Миллиган купила в Бордо маленькую баржу и превратила её в плавучий домик. Благодаря этому Артур мог постоянно лежать на свежем воздухе, и только в плохую погоду его переносили внутрь, в комнату.

Месяц тому назад мать и сын выехали из Бордо и, проплыв вверх по Гаронне, попали в Южный канал. Отсюда, проехав целый ряд прудов и каналов, они могли попасть в Сену, доехать по ней до Руана, а там пересесть на пароход и вернуться в Англию.

В первый день моего пребывания на барже, которая называлась «Лебедь», я познакомился только с каютой, где меня поместили. Эта крохотная комнатка имела два метра в длину и около метра в ширину, но в ней помещалось всё необходимое. Меблировка каюты состояла только из одного комода, но что это был за чудесный комод! Верхняя доска комода поднималась, и под ней находилась постель с матрасом, подушкой и одеялом. Конечно, эта постель была неширокой, но вполне достаточной для того, чтобы на ней можно бы-

ло удобно спать. Под постелью помещался ящик, разделённый на несколько отделений, куда можно было складывать бельё и одежду. У изголовья постели была приделана откидная доска, которая служила столом. У ног откидывалась вторая доска – для сидения. Маленькое круглое оконце давало достаточно света и воздуха.

Когда я разделся и лёг в постель, я сразу заснул как убитый. Насколько эта койка была мягче тех сосновых игл, на которых я спал накануне! Тишина ночи уже не пугала меня, а звёзды, смотревшие в окно, вселяли бодрость и надежду.

Но как ни сладко спалось мне на новом месте, я всё же проснулся на рассвете, так как беспокоился о своих питомцах. Я нашёл их всех на палубе, где устроил накануне вечером. Они спали так безмятежно, словно жили здесь уже много месяцев. При моём появлении собаки проснулись и радостно бросились мне навстречу. Только Душка, хотя у него и был полуоткрыт один глаз, не двинулся с места, а, наоборот, принялся громко храпеть. Я сразу догадался, в чём дело, – синьор Душка сердился на меня за то, что я не взял его с собой в каюту.

Рулевой, которого я видел накануне, тоже уже встал и чистил палубу. По моей просьбе он спустил мостки, и я мог сойти со своей трупной на берег.

В играх с собаками и Душкой, в беготне, прыжках через канавы и лазанье по деревьям время прошло незаметно. Когда мы вернулись к «Лебедю», лошади были уже запряжены

и ждали только сигнала, чтобы пуститься в путь.

Я поспешил взойти на палубу. Через несколько минут якорь был поднят, матрос встал у руля, погонщик уселся верхом на лошадь, заскрипел блок у каната, и мы двинулись.

Какое наслаждение плыть по реке! Наша баржа плавно и легко скользила по воде. Лесистые берега тихо проплывали мимо, и ничего не было слышно, кроме журчания воды да звона бубенчиков на шее у лошадей.

Стоя на палубе, я смотрел на высокие тополя и на их листья, трепетавшие в спокойном утреннем воздухе. Длинной вереницей тянулись они вдоль берега, образуя как бы густой зелёный занавес, который, не пропуская ярких лучей солнца, разливал сквозь листву нежный и мягкий свет. В некоторых местах вода казалась совсем чёрной, как будто за ней скрывалась бездонная глубина, в других, наоборот, совершенно прозрачной, и сквозь неё можно было видеть блестящие камешки и бархатистые водяные травы.

Я был всецело занят моими наблюдениями, как вдруг услышал, что меня зовут. Я живо обернулся. Это крикнул Артур, которого вынесли на палубу. С ним была его мать.

– Как ты спал? – спросил он меня. – Лучше, чем в поле?

Я подошёл к нему и вежливо ответил, обращаясь одновременно и к матери и к сыну.

– Где собаки? – продолжал он.

Я позвал собак и Душку. Они подошли поздороваться, а Душка начал гримасничать, как проделывал это всегда перед

нашими представлениями.

Но о представлении в это утро не было и речи. Госпожа Миллиган уложила сына в тени и сама уселась с ним рядом.

– Пожалуйста, уведи собак и обезьяну, – обратилась она ко мне, – мы будем сейчас заниматься.

Я немедленно ушёл со своей трупой в самый дальний угол.

Чем мог заниматься этот бедный маленький больной? Я видел, что мать велела ему повторить урок, а сама следила за ним по книге. Лёжа на доске, Артур отвечал, вернее, пробовал отвечать, так как он всё время запинаясь, ошибался и не мог связно произнести и трёх слов. Мать терпеливо, но настойчиво поправляла его.

– Ты опять не знаешь басню, – сказала она.

– О, мама! – с огорчением произнёс Артур.

– Почему ты её не выучил?

– Не мог.

– Почему?

– Не знаю... потому что я болен...

– Голова у тебя не болит. И я никогда не позволю тебе под предлогом болезни расти неучем. Почему ты так огорчаешь меня?

Мне казалось, что госпожа Миллиган была слишком строга, а между тем она говорила ровным и нежным голосом.

– Мама, я не могу! Уверяю тебя, не могу! – И Артур заплакал.

Его слёзы не поколебали госпожу Миллиган, хотя она казалась взволнованной и огорчённой.

– Я хотела разрешить тебе сегодня утром поиграть с Реми и его собаками, – продолжала она, – но теперь ты не будешь играть с ними до тех пор, пока не ответишь мне без ошибки всю басню.

Сказав это, она отдала книгу Артуру и ушла в свою каюту.

Оставшись один, Артур принялся повторять урок: я видел, как шевелились его губы.

Было очевидно, что он старался и работал усердно. Но это прилежание длилось недолго. Очень скоро он начал смотреть поверх книги, и его глаза, блуждавшие по сторонам, встретились с моими.

Я сделал ему знак приняться за урок.

Он кротко улыбнулся, как бы благодаря меня за совет, и уставился в книгу. Но скоро снова начал смотреть по сторонам.

– Я очень хочу выучить басню и никак не могу, – обратился он ко мне.

Я подошёл к нему.

– Но она совсем не трудная, – заметил я.

– Напротив, очень трудная.

– Хочешь, я прочту её наизусть? – предложил я.

Он взял книгу, а я стал читать басню. Ему пришлось поправить меня всего три или четыре раза.

– Вот чудеса! Ты её действительно знаешь! – удивлённо

воскликнул он.

– Не очень хорошо. Но теперь, мне кажется, я могу ответить её уже без ошибки.

– Когда ты успел её выучить?

– Я внимательно слушал, пока твоя мама читала её вслух, а потом ясно представил себе всё, о чём в ней говорится: овец, ягнят, собак, стерегущих стадо, и пастуха.

– Прекрасно! – воскликнул Артур. – Теперь я их тоже вижу. И, знаешь, я убеждён, что сейчас выучу басню.

И действительно, меньше чем в четверть часа он выучил басню наизусть. В это время госпожа Миллиган подошла к нам.

Увидев нас вместе, она рассердилась, думая, что мы играем, но Артур не дал ей произнести ни слова.

– Я знаю басню, – закричал он, – и это Реми помог мне её выучить!

Госпожа Миллиган посмотрела на меня с удивлением. Тогда Артур, не дожидаясь её просьбы, прочёл наизусть всю басню. Он прочёл её с торжеством и радостью, без запинок и ошибок.

В это время я смотрел на госпожу Миллиган. Сперва её лицо озарилось улыбкой, а потом на глазах выступили слёзы.

– Ты хороший мальчик, – сказала она мне.

Я рассказал так подробно об этом случае потому, что с этого дня отношение ко мне совершенно изменилось. Накануне меня пригласили с моими собаками и обезьяной, чтобы

позабавить и развлечь больного ребёнка. После сегодняшнего урока я сделался товарищем, вернее, другом Артура.

Госпожу Миллиган очень огорчало то обстоятельство, что её сын ничему не учился. Несмотря на его болезнь, она хотела дать ему известные навыки, которые помогли бы ему по выздоровлении начать регулярное учение.

До сих пор она мало чего достигла. Артур не отказывался учиться, но и не проявлял должного внимания и прилежания. Потому-то госпожа Миллиган и была так обрадована, когда услышала, что он выучил со мной басню в полчаса, тогда как она не могла заставить его выучить её в продолжение нескольких дней.

После этого случая мы быстро подружились с Артуром и, как это ни странно, ни разу не поссорились.

Путешествие по воде было чудесным. Мы не испытывали ни скуки, ни утомления, так как всё наше время было разумно заполнено. Если окрестности нам нравились, мы делали в день только несколько километров, если казались однообразными, плыли быстрее. Когда солнце садилось, мы останавливались там, где нас заставляла ночь, и стояли на этом месте до рассвета.

В холодную погоду мы усаживались в столовой, где затапливали печку, так как сырость и туман были вредны для больного. Зажигались лампы; Артура придвигали к столу, я садился возле него, и госпожа Миллиган показывала нам книги с картинками или фотографии различных видов. Когда мы уставали смотреть картинки, она брала книжку и чи-

тала нам вслух или же рассказывала нам легенды, исторические события, относящиеся к той местности, которую мы проезжали. Она говорила, не сводя глаз с лица сына, и было трогательно видеть, какие усилия она прилагала к тому, чтобы её рассказ был интересен и понятен мальчику.

В хорошие, тёплые вечера я брал арфу и, спустившись на берег, становился где-нибудь под деревом, пел песенки и играл различные пьесы. Артур с большим удовольствием слушал музыку и часто кричал мне: «Сыграй ещё!» Тогда я повторял только что сыгранное.

Мне, ничего не знавшему, кроме бедной хижины матушки Барберен и тяжёлых скитаний с Виталисом, впервые жилось спокойно и беззаботно.

Как не похожи были утомительные, длинные переходы, когда я брёл по колени в грязи, под дождём или палящим солнцем за своим хозяином, на эту прогулку в плавучем домике!

Уже два раза я пережил тяжесть разлуки с теми, кого любил: первый раз, когда был оторван от матушки Барберен, второй – когда меня разлучили с Виталисом. И вот теперь, когда я остался совершенно одиноким, без поддержки и опоры, я встретил людей, которые выказали мне участие и которых я искренне полюбил. А моё сердце так жаждало любви и привязанности! Сколько раз, глядя на бледного, больного Артура, прикованного к доске, я – здоровый и сильный – завидовал ему...

Я завидовал не богатству, которое его окружало, не его книгам и игрушкам, – нет, я завидовал тому, что у него есть мать, которая его так нежно любит.

Я с грустью говорил себе, что у меня её нет и никогда не будет. Если когда-нибудь снова я увижу матушку Барберен, то никогда уже не смогу назвать её, как прежде, «мама», потому что знаю, что она мне не родная. Я одинок и останусь навсегда одиноким. Эта мысль заставляла меня ещё сильнее ценить доброе отношение ко мне госпожи Миллиган и Артура.

Но как ни хороша была моя новая жизнь, мне в скором времени предстояло расстаться с ней и вернуться к старой.

Глава XII

Найдёныш

Приближался день выхода Виталиса из тюрьмы. Мысль об этом вызывала во мне одновременно и радость и беспокойство; а по мере того как мы всё больше и больше удалялись от Тулузы, беспокойство моё возрастало.

Чудесно было плыть на «Лебеде», не зная ни забот, ни горя! Но ведь мне предстояло проделать весь обратный путь пешком.

Я решил посоветоваться с госпожой Миллиган и спросить ее, сколько времени нужно для того, чтобы вернуться в Тулузу, где я должен был встретить Виталиса у ворот тюрьмы.

Услышав мой вопрос, Артур громко закричал:

– Мама, я не хочу, чтобы Реми уходил!

Я ответил ему, что не могу сам располагать собою, так как принадлежу хозяину, который нанял меня у моих родителей. Но, говоря о родителях, я умолчал о том, что они не были мне родными отцом и матерью, иначе мне пришлось бы признаться в том, что я найден на улице.

– Мама, Реми должен остаться у нас, – продолжал Артур.

– Я сама была бы рада оставить Реми, – ответила госпожа Миллиган. – Вы с ним подружились, и я тоже к нему привязалась. Но для того чтобы он остался, необходимо знать, желает ли этого сам Реми...

– Конечно, желает, – перебил её Артур. – Не правда ли, Реми, тебе ведь не хочется уходить?

– Кроме того, – продолжала госпожа Миллиган, не дожидаясь моего ответа, – мы не знаем, согласится ли его хозяин отказаться от своих прав на него...

– Но это дело Реми, – снова перебил её Артур.

– Прежде чем ответить, Реми должен хорошенько подумать. Если он останется с нами, ему предстоит не только одни удовольствия и путешествия – ему придётся много работать, серьёзно учиться вместе с тобой. Потом, – продолжала госпожа Миллиган, – нужно получить согласие его хозяина. Я напишу ему, чтобы он приехал сюда, в Сэт. Когда он узнает, почему мы не можем сами приехать в Тулузу, он, вероятно, примет моё приглашение. А после придётся договори-

ваться уже с родителями Реми, потому что мы должны получить также и их согласие.

До сих пор всё шло так, словно добрая фея дотронулась до меня своей волшебной палочкой. Но последние слова сразу вернули меня к печальной действительности.

«Договориться с моими родителями»! Я вспомнил, как в нашей деревне презирали детей, не имевших родителей и живших в приюте.

Артур и госпожа Миллиган узнают о том, что я найдёныш, и, конечно, от меня отвернутся! Я был убит.

Госпожа Миллиган с удивлением смотрела на меня, ожидая ответа, но я молчал. Решив, наверно, что я взволнован мыслью о приезде хозяина, она оставила меня в покое.

К счастью, разговор этот происходил вечером, незадолго до сна, и я мог остаться в каюте наедине со своими опасениями и размышлениями. Это была первая плохая ночь, которую я провел на «Лебеде», – тяжёлая и беспокойная. Что ответить? Как поступить?

В конце концов я остановился на самом простом решении: ничего не предпринимать и ничего не говорить. Будь что будет! Вероятнее всего, Виталис не захочет расстаться со мной. Тогда я уйду с ним, и никто не узнает правды.

Мой страх перед этой правдой, которую я считал постыдной, был так велик, что я начал всем сердцем желать, чтобы Виталис не согласился на предложение госпожи Миллиган. Мне придётся уйти от Артура и его матери, отказаться

от мысли когда-нибудь встретиться с ними, но зато у них не останется обо мне дурного воспоминания.

Через три дня после того, как госпожа Миллиган написала письмо Виталису, она получила от него ответ. Виталис сообщал, что принимает приглашение госпожи Миллиган и придет в Сэт в ближайшую субботу с двухчасовым поездом.

Я попросил у госпожи Миллиган разрешения пойти на вокзал и, взяв с собой собак и Душку, отправился встречать хозяина. Собаки были беспокойны, они как будто что-то предчувствовали, Душка безразличен, а я страшно взволнован. Самые противоречивые чувства терзали меня.

Я забился в дальний угол вокзала, держа трёх собак на поводках, а Душку – под курточкой, и с трепетом ждал, не замечая того, что происходит вокруг.

Собаки раньше меня почуяли хозяина: они с силой рванулись вперёд и, так как я этого не ожидал, вырвались и умчались от меня с радостным лаем. Почти тотчас же и я увидел Виталиса, окружённого собаками. Капи вскочил уже Виталису на руки, а Зербино и Дольче хватили его за ноги.

Когда я подошёл, Виталис опустил Капи на землю и сжал меня в своих объятиях. В первый раз он поцеловал меня, повторив несколько раз:

– Здравствуй, дорогой мой мальчик!

Виталис всегда был добр ко мне, но он никогда не ласкал меня, и я не привык к проявлению его нежности. Поэтому эта неожиданная ласка растрогала меня до слёз. Посмотрев

на него, я нашёл, что он очень постарел, сторбился, побледнел; губы у него были совсем белые.

– Ну что, Реми, сильно я изменился? – спросил он. – Тюрьма – плохое пристанище, а тоска – хуже болезни. Но теперь всё пойдёт по-хорошему. – Затем он переменял разговор: – А откуда ты знаешь эту даму, которая мне писала?

Тогда я рассказал ему о своей встрече с «Лебедем», о том, как жил у госпожи Миллиган, о том, что я видел и чем занимался всё это время. Рассказ мой длился очень долго, потому что я боялся закончить его и дойти до обсуждения вопроса, который меня беспокоил больше всего. Я не мог признаться Виталису, что втайне мечтал получить его согласие оставить меня у госпожи Миллиган. Мы пришли в гостиницу прежде, чем мой рассказ был окончен. Виталис тоже ничего не говорил мне о письме и предложении госпожи Миллиган.

– Эта дама ждёт меня? – спросил он, когда мы вошли в гостиницу.

– Да, я сейчас провожу вас к ней.

– Не надо. Скажи номер её комнаты и жди меня здесь вместе с собаками и Душкой.

Я никогда не возражал моему хозяину. Однако сейчас я рискнул попросить его разрешить мне пойти вместе с ним к госпоже Миллиган. Но он жестом заставил меня замолчать. Я послушно уселся вместе с собаками на скамье перед дверью гостиницы. Им тоже хотелось пойти за хозяином, но, так же как и я, они не смели его послушаться. Виталис умел при-

казывать.

Почему он не хочет, чтобы я присутствовал при его разговоре с госпожой Миллиган? Я ещё не нашёл ответа на этот вопрос, как Виталис вернулся.

– Пойди простись, я буду ждать тебя здесь. Через десять минут мы уходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.